

Священная война

Автор:

Цзэдун Тао

Священная война

Цзэдун Тао

Желтый крестовый поход. Монголы под предводительством хана Хулагу двигаются на Ближний Восток. Почти две трети степняков крещены и с верой идут освобождать Святую Землю и Гроб Господень. Правнучка Чингисхана Наргиз, потомок китайских князей Ван Юань, славный багатур Налгар, посланники хана, опережают армию, их подстерегают опасности в замке ассасинов, на переговорах с халифом Багдада и правителем Египта. Этот поход навсегда изменит их судьбы, ведь Святая Земля – в тайных глубинах сердца, и крестовый поход обернется крестным ходом к своей душе.

Степь – священна. В своей первозданной простоте она хранит все истоки, свободу и полет духа, великое начало и бесконечность, нетронутую гордость и любовь неба. Степь целомудренна и оттого легка, стремительна – достигает каждого сердца, словно стрела, выпущенная сильной рукой.

Цзэдун Тао

Священная война

Степь, ей нет конца. Ей нет предела, потому что она в сознании каждого, кто хоть однажды распахнул двери своего сердца, узнал и почувствовал ее покой и тишину – великую жизнь и постоянство; кто хоть однажды глядел в нее, дышал свободой и не чувствовал себя рабом.

Степью можно владеть, но ее нельзя унести с собой – степь существует по своим правилам, независимо от того, кто сегодня считает себя ее хозяином и господином, она беспристрастна к людям до той поры, пока они глядят в нее, сторонясь суеты. Степь – священна. В своей первозданной простоте она хранит все истоки, свободу и полет духа, великое Начало и бесконечность, нетронутую гордость и любовь Неба. Степь целомудренна и оттого легка, стремительна – достигает каждого сердца, словно стрела, выпущенная сильной рукой. От нее нельзя убежать, она простирает свою власть до крайних пределов и вторит Небесам, у нее нет иных богов. Но если вы решили воздвигнуть себе кумиров, сотворить из праха подобие вечности, степь обязательно придет к вам и опрокинет навзничь, и научит поклоняться одному только Небу, стирая в пыль всё, что успели создать. Ведь степь не воюет с Небом, степь, как и Небо, – вечна. Она воюет с человеком в его сердце, ведя за Небо великую Священную Войну.

Глава 1

Ван Юань родился и вырос в степи. В степи родились и выросли его родители, и родители его родителей. Степь стала домом Ван Юаня давно – она выбелила и поглотила кости его предков, стирая память о человеческой немощи и сохраняя в сердце вечную весну. Они все здесь, плывут вместе с облаками над степью, и Ван Юань, раздувая ноздри и вдыхая весенний аромат, улыбается слегка – он дышит тем самым воздухом, который однажды выдохнула его родня: в юрте все дышат друг другом, а великая степь – его дом. Но он знает, что за степью есть пустошь, пески и камни, а за ней – его настоящая родина, удивительная страна, наполненная драконами и людьми, предпочитающими бескрайней лазури медные небеса. И иногда он слышит их звон...

Родственники Ван Юаня пришли в степь давно, они бежали из Поднебесной империи от преследований за христианскую веру и поселились в верховьях Онона и Керулена – священных рек монголов, которые приняли их, как братьев. Чудом вышедшие из пустыни, голодные и оборванные, они встретили приветливых пастухов, напоивших их водой и угостивших сухим сыром – хурутом

. Крещенные ханьцы рассказали пастухам о Христе, в которого верили сами, и те, ничуть не сомневаясь, приняли Благовест.

Племена монголов, звавших себя «вороны»

, вскоре пожелали сами креститься и послали гонцов в далекую страну сельджуков, в славный город Мерв

, откуда пришел христианский епископ со священниками; те совершили Божественные службы прямо под куполом Небес, освятили Онон и Керулен и крестили в них всех живших в верховьях этих рек, примерно двести тысяч человек. Многим были подарены монеты с изображением креста – эта древняя арийская печать Сасанидов

передавалась по наследству и сейчас висит на шее Ван Юаня; иногда, когда нужно принять ответственное решение, он крепко сжимает ее в кулаке. С тех пор родственники Ван Юаня обитали среди настоящих братьев, никогда не голодали и ни в чем не нуждались, ведь «вороны» оказались истинными христианами в плане гостеприимства, сочувствия, поддержки, взаимопомощи в трудную минуту, основанной на бескорыстной чистой вере.

Настоящий христианский отец керейтов Тоорил-хан

, друг и побратим Эсугэй-багатура, приходился крестным отцом Тэмуджину и еще в детстве окунул Чингисхана в священные воды реки Хатун-туул, на берегу которой находился его стан. Впоследствии, по досадному недоразумению, Тоорил-хану пришлось бежать от повзрослевшего и набравшего силу крестника, он случайно наткнулся на караул найманов, и те по неведению отрубили ему голову. Но когда голову доставили матери найманского Таян-хана (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D1%8F%D0%BD-%D1%85%D0%B0%D0%BD>) и она опознала в ней керейтского правителя, найманы пришли в ужас, стали совершать перед ней свои языческие обряды и жертвоприношения, пытаясь задобрить Небеса. Говорят, голова смеялась в ответ. Ван Юань знает, почему смеялся Тоорил-хан: голова лежала на белой кошме и смотрела в Небо, и видела всю бесполезность человеческих усилий откупиться от Него какими-то ни было подношениями. Небо пришло к ним следом... Тэмуджин жестоко отомстил найманам за убийство своего названного отца, разбив их наголову.

утрам готовили чай, рядом тангутские рабы пасли стада и поили их прямо из священной реки, а ремесленники из Баньяна плели щиты, корзины и делали удобные низкие столы. Стан из нескольких белых юрт превратился в настоящий большой курень – для рабов тоже ставили юрты, и с каждым днем их становилось все больше и больше; селение разрасталось, вокруг юрт бегали маленькие китайчата, по ошибке заговаривая с Ван Юанем на своем незнакомом языке.

Бедный ханьский род, изгнанный когда-то из империи в степь и давно уже ничем не отличавшийся от «воронов», быстро превратился в славную знатную семью – вспоминались традиции, письмо, родная речь. Ван Юаня и младших сестер обучали учителя из Поднебесной, пока старшие братья и отец, командовавший сначала десятком, потом сотней, а теперь тысячей, сражаясь на дальних рубежах, доставляли на Керулен все новые и новые караваны. Воинов себе они тоже набирали в походах, и теперь каждый брат являлся командиром сотни в их «семейной» армии. Военные задачи, которые им ставили, тысяча Ван Бея, так звали отца, выполняла успешно, и темник

Тумур держал их у себя под рукой, отдавая в бою самые лакомые куски – ответственные в плане стратегии, и выгодные в плане добычи.

Кереит Тумур был женат на сестре отца Мей, но у них не было детей, и темник покровительствовал племянникам. По традиции в войске Великого Хана существовала семейная круговая порука: воевали вместе и отвечали вместе. Ведь нет более надежного плеча в бою, чем плечо отца и брата. Особенно, когда у каждого крест на щите – легкий круглый щит с ярким крестом заметен в бою. Такие щиты плели из верболоза и обтягивали сырой кожей; высыхая, кожа сдавливала прутья, делая щит пружинистым и почти непробиваемым. Но воины верили, что лучшей броней на нем является крест.

У Ван Юаня тоже есть такой щит, а еще крест на груди, на старинной монете древнего христианского государства. Он часто берет ее в руку и чувствует историю: свет и древнюю святость, восходящую вглубь веков к истокам веры, а возможно, к самим Небесам. Он давно мечтал добраться до этих мест, ступить ногой на Святую Землю, по которой ходил сам Господь, увидеть все своими глазами. Но пока только монета на ладони, круглая, как его щит, как Небо, если лечь в степи на землю... Это произошло как раз, когда собирался последний курултай

, он лег на прогретую весеннюю землю и отчетливо увидел крест через все небо. Крест видели многие и поняли, что это знамение. Курултай незамедлительно принял решение о начале великого крестового похода, сомнений в целесообразности освобождения христианских святынь от варваров и иноверцев, на чем давно настаивали сострадательные христианские жены, ни у кого не возникло.

Глава 2

Сразу же после решения курултая по степи понеслись гонцы, объявляя великий сбор. Всем воинам, находившимся в пределах Монголии, было приказано прибыть к единственному оседлому городу кочевников, столице империи Карахорум

, построенной на месте бывшей ставки хана керейтов Тоорила.

Место было выбрано неслучайно. Христианин Тоорил-хан здесь часто уединялся во время поста и молитвы; при этом многие не раз видели знамение креста на небе. Как, впрочем, и в последний раз, когда собрался курултай. Поэтому место считалось священным, в Карахоруме сразу построили христианскую церковь и ханский дворец «Десять тысяч лет благоденствия», отделав их зеленым камнем. Красивый камень брали с горы, у подножия которой располагался город. Гора называлась Малахита. Так как в столицу постоянно прибывали послы из различных стран, для них построили буддийский храм и мечеть.

Правители Карахорума отличались веротерпимостью и уважением к другим религиям. О зеленой мечети монгольской столицы в мусульманском мире ходили легенды. Ближайшим родственникам хана тоже было приказано воздвигнуть в Карахоруме по дворцу: послов, прибывающих в столицу, требовалось поразить величием и могуществом императора мира. Искусных мастеров, умевших обращаться с чугуном, железом, медью, золотом, серебром, а также со стеклом и керамикой, собирали со всех окрестностей необъятной империи. И вскоре в Карахоруме появились целые кварталы, где улицы были вымощены гладким булыжником, а в кирпичных домах имелись обогреваемые централизованным отоплением теплые полы. Но существовала одна проблема: монголы не любили жить в домах. Привыкшие к степи, они селились вокруг столицы в белых

войлочных юртах. Карахорум при этом напоминал громаднейший военный лагерь, так как монголы в подавляющем своем большинстве были воинами.

По мере становления рода Ванов, положение семьи менялось: теперь, когда отец, командующий минганом, стал нойоном

, он обязан был предоставить сына в ханскую гвардию. Но, как упоминалось ранее, у темника Тумура не было детей. И пришлось Ван Юаню отдуваться сразу за двоих. От него требовалось прибыть в ставку, имея при себе двадцать друзей и двух меньших братьев. Ведь по закону, установленному еще Чингисханом, сын нойона должен служить в ханской гвардии вместе с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Это окружение составляло своеобразную боевую единицу: товарищи были нукерами, а младшие братья занимались обеспечением и выполняли службу посыльных. Если у сына нойона не было младших братьев, интендантскую службу должны были исправлять его сестры.

Старшие братья Ван Юаня находились в походе, тумен Тумура ушел на юг, отвоевывать его потерянную родину. Оттуда постоянно прибывали караваны с новыми людьми и военной добычей. Так как отец и братья Ван Юаня воевали, то по линии отца его могли не трогать. Младший сын оставался при матери. Но по линии дяди, темника Тумура, ему таки пришлось отправиться в столицу, прихватив с собой двадцать лучших парней из куреня, вместе с конями, младшими братьями и прочим хозяйством. Получилась небольшая киданьская армия – ордо, – воины которой практически все были каракитаями или даже ханьцами. И если бы не кресты на круглых щитах, их легко бы могли принять в степи за вражеский дозор.

Столица Карахорум бурлила: в считанные дни она разрослась до невиданных размеров, а в ставку все прибывали и прибывали новые люди. На поверку оказалось, что теперь почти каждый монгол в степи – нойон, обладатель куреня, многочисленного семейства и рабов. Начиная с первых походов Чингисхана, моголы поняли выгоду большой семьи, ведь военная добыча делилась по числу воинов. Теперь у каждого было по многу детей – от жен и от рабынь, их не разделяли. Поднялось два поколения, степь раздалась вширь и разбогатела, отучнела стадами, которые пасли порой очень даже высокородные рабы, а бывшие пастухи стали настоящими хозяевами жизни на своей земле.

Прибыв в столицу, всегда напоминающую военный лагерь, Ван Юань первым делом должен был отыскать своего сотника и стать у него на учет. При всей кажущейся неразберихе, в армии существовал строгий порядок, каждый знал свое место и что ему нужно делать в данный момент; для этого как раз имелась налаженная система посыльных. Как, впрочем, и по всей необъятной империи с ее многочисленными курьерскими службами и ямами

– почтовыми станциями, организованными еще при Чингисхане.

Пока нукеры ставили юрту из выбеленного, как снег, войлока, Ван Юань прохаживался промеж рядов таких же, как у него, дорогих жилищ – здесь каждый старался не ударить в грязь лицом. Время, когда пастухи питались сухим хурутом, а для нойона выбирали тарбагана пожирнее, давно прошло. В монгольской империи до сей поры ходили рассказы о том, как великий Тэмүджин голодал и охотился на этих самых тарбаганов. Теперь юрты кэшиктенов, на языке степи – хишигтэне

, близких и верных слуг Великого Хана, – были расшиты золотом и серебром, а войлок выбеливался до такой степени, что на него было трудно смотреть в солнечную погоду. Да и сами гвардейцы выглядели князьями. Их чистые цветные халаты тоже были расшитые жемчугом, камнями и всякими драгоценностями, пояса сплошь из золотых нитей, а сапоги из верблюжьей кожи, отделанной серебром.

Вот как раз на такого красавца и наткнулся Ван Юань, когда прогуливался между юрт. Тот куда-то спешил и двинул его своим богатырским плечом, не придавая этому существенного значения.

– Постой, так не годится! – вспыхнул Ван Юань, ухватив наглеца за рукав. – Здесь достаточно места, чтобы разминуться двум всадникам. Чего толкаться?

– Однако... – протянул удивленно багатур, ты уже хорошо говоришь по-кереитски. – Кто твой хозяин?

– Я сам себе хозяин, был им и буду! – вспылил Ван Юань. – И не потерплю неуважительного отношения к себе.

– Да тебя следует проучить, раб! – наседавал красавец. – Ты хоть знаешь, что разговариваешь с настоящим борджигином

Парень развернулся, готов в любой момент схватить Ван Юаня за пояс.

– Догадываюсь... Ты из рода Кият-Борджигинов. Я это вижу по твоим серым глазам, – спокойно ответил Ван Юань. – Но это не дает тебе права оскорблять мой род Ванов.

– Ах, ты еще посмел называть себя князем, чужеземец! Много вас теперь шастает по нашей степи.

Багатур схватил Ван Юаня за пояс и хотел метнуть его через бедро. Но Ван Юань был готов к броску. Он сделал резкий уклон назад и потянул за собой крепкого, плечистого юношу. Тот не ожидал такого подвоха и полетел через голову. В результате Ван Юань совершив кувырок, оказался сверху.

– Годится, годится... – слышалось над головой.

Кто-то хлопнул Ван Юаня по плечу.

На удивление, поверженный багатур не вскипел, не посинел от злости, не полез за оружием. Он встал, отряхнул дорогую одежду и рассмеялся. Рядом стояли другие воины-красавцы. Похоже, это были его товарищи. Они весело подмигивали друг другу.

– А он ничего, – один из них взглядом указал на Ван Юаня. – Такого не застанешь врасплох. – Ты хотел его проверить. Ну как, проверил? Случайно не лазутчик?..

– Да вроде нет, раз так хорошо знает нашу борьбу, – улыбнулся багатур. – Видимо, вырос в степи. Ты верно из рода Ванов?

– Вернее не может быть.

– Он таки керейт, я знаю этот говор, – поддакнул еще один сероглазый борджигин. – Но что ты здесь потерял?

– Я ищу юрту сотника Налгара, сына славного Мэргэна.

– А-а-а, – протянул сероглазый, смерив его с ног до головы. – Так вот же она.

И он указал Ван Юаню на юрту, возле которой был вбит в землю туг с трезубцем и знаменем с изображением ворона.

Откинув полог, Ван Юань решительно шагнул через порог и зашел в большую юрту сотника. На дорогом персидском ковре за низким резным лакированным столиком сидел пожилой воин со шрамом через все лицо и неспешно пил кумыс. Увидев гостя, он стрельнул в него орлиным глазом и замер от удивления.

– Хорош, хорош... Якши

! – произнес Боржгон Мэргэн, поднимаясь и кряхтя. – Красавец, весь в отца! Мы с ним командовали сотнями в походе на хорезмшаха Мухаммеда, воевали в тумене славного Субэдэй-багатура

. Потом был поход в северные земли... Славное было время. Теперь мой сын Налгар будет твоим командиром. Пожалуй, это несправедливо...

– Я младший в семье, – стал оправдываться Ван Юань. – Остальные братья давно командуют сотнями.

– Э-э-э, не скажи. Сотник гвардии равен тысячнику в армии. Но ты еще молод. Под таким начальством, как мой Налгар, ты быстро продвинешься по службе. Ах, какой красавец! – Боржгон Мэргэн вертел его перед собой, причмокивая языком. – Якши... якши.

Судя по всему, и это словечко – военная добыча из предыдущих походов.

– А как поживает отец, славный Ван Бей? Неужто уже нянчит внуков? – Боржгон Мэргэн хлопнул Ван Юаня по плечу, показывая глазами ниже пояса. – Хорош, ничего не скажешь!

– Отец все еще воюет, он отправился в Южный поход.

– Ох, Бей-багатур, ах, молодец! – ахал Боржгон Мэргэн, – узнаю настоящего «ворона»!

– Да, его всегда тянуло на родину предков, не смог устоять...

– А я вот тут, в столице ошиваюсь, – с грустью сказал Боржгон Мэргэн. – Списали старика. В последнем походе урусское копье разворотило мне весь бок. Не будь твоего отца тогда рядом, не видать мне больше родной степи. Это он не дал мне перерезать себе горло и избавиться от мучений, а отправил вместе с караваном домой. Как я тогда его ненавидел... И как теперь люблю и уважаю. Какой же хороший человек, твой отец. Какой хороший человек...

– Мой отец никогда не принимал скоропалительных решений, – согласился Ван Юань. – Я просил его взять меня с собой в поход, он сказал, что подумает. Думает уже второй год.

– Но ведь он прав! – снова воскликнул Боржгон Мэргэн. – Не будь тебя сейчас в степи, никак не попасть тебе в гвардию. А тем более в такое важное время. Счастливый человек, ты увидишь Святую Землю. Когда будешь там, сорвешь для меня хоть одно райское яблоко. Не забудь, уважь старика. Я бы, конечно, попросил сына, но у него столько хлопот. Тем более, что взрослые дети привыкли сами решать за нас, родителей, что нам нужно, а что нет.

Собираясь в Великий поход на Святую Землю, монголы искренне верили, что увидят настоящий Рай.

– В нашей степи Небо можно достать рукой, но здесь не растут райские сады, – продолжал Боржгон Мэргэн. – Когда мы были в землях урусов, мы ели там плоды, срывая их прямо с веток деревьев. Эти плоды местные называли

яблоками. Но на Святой Земле, говорят, есть яблоки желтые, как солнце. Увы, я многих убил, меня не пустят в Рай. Но ты молодой, ты еще никого не убил?

Боржгон Мэргэн озабоченно заглянул Ван Юаню в глаза.

- Что ты его спрашиваешь, отец? Такому дай волю, он перережет весь улус

, - сказал входящий в юрту воин.

Ван Юань резко обернулся и увидел того самого багатура, который наднесь проверял его ловкость.

- Настоящий «серый волк»: говорит, что из рода Ванов, хотя по виду каракитай.

- Так род Ванов как раз и происходит из племени киданей, сынок. Ну, или что-то, в этом роде...

- А как же Ван-хан? Ведь он же керейт, - удивился сероглазый багатур.

- Э-э-э... Это немножко другой Ван, но тоже из «воронов». Смотри, как глаза сверкают, словно угли. Ван Юань - сын моего боевого побратима Ван Бея, который спас мне жизнь. Ты будь с ним поуважительней, сынок.

- Да мы уже успели познакомиться, - заявил сотник Налгар, все еще отряхивая платье.

Он подошел к Ван Юаню и снова взял его за пояс. Но, лишь слегка тряхнув, обнял по-братски, похлопывая по плечу.

- Добро пожаловать в гвардию, брат. Отныне ты будешь командовать у меня первым десятком кэшиктенов. Тебе повезло, ты сразу прошел проверку и зачислен в корпус багатуров. Видел красавцев? Теперь они все твои братья, а ты один из нас.

Когда Налгар, сказав ему о новых братьях, назвал Ван Юаня одним из них, у того слезы навернулись на глаза. Только теперь он начал понимать, что означает

настоящая семья кэшиктенов.

Сотник Налгар расправил свои богатырские плечи и стал вровень с Ван Юанем. Но на поверку оказалось, что плечи у того ничуть не уже, разве что по росту он был немножко ниже сотника.

– Молод еще, подтянется со временем, – кивнул Боржгон Мэргэн.

– Главное, чтоб меня не обогнал, – засмеялся Налгар. – А то придется отдавать приказы, задирая голову вверх. Или сразу уступить ему свое место.

Глава 3

Став на учет и расположив свою юрту в одном ряду с юртой Налгара, Ван Юань пошел осматривать достопримечательности столицы. Его интересовало буквально все: и как устроены кирпичные здания, и как вода по виадукам течет с гор, и как в ремесленных кварталах изготавливают стекло. И дворцы, и дороги... Но самое главное – это христианские храмы, которых к тому времени в столице уже было несколько: в них поклонялись истинному Богу – Христу, пожелавшему каждого человека возвести на Небо. Ведь до Христа Царство Небесное было недостижимо, хотя Небо в степи чтили всегда, Ему поклонялись, Ему приносили жертвы, Ему исповедовали сердечные тайны, обливаясь порой самыми искренними слезами, в Него верили. Но возможности подняться и достичь Небес, и стать Богом у человека не было. Теперь эти храмы служили настоящими вратами в Небо, и кто мог, тот легко входил в царские чертоги, имея чистое сердце и веру.

Монголы изначально были очень практичным народом, их нельзя было задешево купить или заманить сказками. К тому же, живя в чистой степи, о Небе они знали практически все. Суровость жизни и суровость сердца, с которой монголы смотрели правде в глаза, позволяла им не ждать от Неба каких-то невероятных чувственных удовольствий, у Неба просили о простых вещах – Небом просто дышали, а воздух всегда приятней, когда им дышишь на полную грудь. Тех, кто пытался навесить им вериги, монголы казнили на месте. Но с приходом Христа в степь у давно изученного Неба открылась невысказанная глубина, монголы поняли, что существует восхождение в сердце, а Небо способно отвечать на искренность – вера во Христа открывала все двери, от этого хотелось петь, нестись по степи

стрелой, жить бесконечной жизнью, дышать на полную грудь.

Имея степь и Небо, они и раньше не сильно заботились о суетном, теперь появилась твердая уверенность, что все земное временно, а Небо – вечно. Касаясь этой Вечности открытым сердцем, монголы обрели настоящую мудрость жизни, и каждый из них в любой момент готов был заплатить за Нее своей кровью. Так приняли Христа керейты и в борьбе с остальными монгольскими племенами отстаивали Небо и свое право на Него. Многие воины из этих племен еще носили в походных сумках семейных богов, родовых идолов, но керейты носили на груди крест и считались по праву детьми Неба. К тому же, быть детьми Неба им всегда помогала степь, удерживая сознание над миром: даль, в которую они смотрели, постоянно позволяла им не обращать внимания на десять тысяч мелочей

Выступая в дальние походы, монголы определенно рвали связь со степью, а следовательно, и с привычной для них доступностью Небес. Это обозляло их сердца, они дрались, как звери, загнанные в угол; захватывая города и страны, они пытались восполнить потерянную глубину, за счет награбленного богатства достичь того уровня, который имели и потеряли. Но это, видимо, удел всего человечества, стремящегося во что бы то ни стало и во все времена обналичить Небесные предпочтения.

Ван Юань вошел в церковь – образ распятого Христа во весь рост на древней иконе, привезенной в степь из города Мерв, источал мир, а язвы на руках и ногах кровоточили. В храме распространялось невероятное, просто неземное благоухание. Этим миром воины мазали свои раны, полученные в бою, и они быстро затягивались; другие исцелялись прямо на месте, бросая палки и костыли. Но были и такие, кто не мог подойти к Христу, они выли неистово, словно звери, и, закатывая глаза, падали в конвульсиях. О таких говорили, что они пролили невинную кровь, их мазали кровью из ран Христа, и они успокаивались. Правда, не всех искупала жертва Христова, многим нужно было приходить сюда снова и снова, биться головой и, рыдая, рвать на себе одежды – принести достойное покаяние... Или уйти в степь ни с чем и плакать до конца своих дней о потерянных Небесах. Ввиду этой причины монголы старались воевать руками других народов, распространяя власть Священной степи над

миром поверх меркантильных соображений покоренных племен и языков.

– Однако, ты еще чист, – слышалось за спиной, когда Ван Юань приложился к иконе.

Он обернулся и увидел у стены Боржгон Мэргэна, который, тяжело вздыхая, скрипел оставшимися зубами и качал головой.

– Богу было угодно исцелить меня, но моя рана теперь саднит и жжет, особенно, когда я захожу в храм, напоминает мне об адском пламени: на войне я был не сильно разборчив и часто проявлял излишнюю жестокость. Хотя по-другому тогда не получалось: те, кого мы щадили, потом били нам в спину. Когда будешь в походе, воюй только с врагом, пытающимся убить тебя, кровь из коня не пей, даже если будешь умирать от жажды, войди в Рай и принеси мне оттуда отпущение грехов. Мне будет достаточно и одного Райского яблока, чтобы вернуть сладость сердцу, вернуть тот покой и Благодать, какие я имел, будучи таким, как ты. Потерять Благодать просто, а восполнить меру не достанет и целой жизни. Никогда не убивай без острой на то нужды; как по мне, так лучше вообще не убивай. Увы, настоящая мудрость приходит только тогда, когда узнаешь истинную цену тому, что потеряно безвозвратно.

– Но разве ваш сын, сотник Налгар, не посчитает меня трусом, если я буду прятаться за спины? – удивленно спросил Ван Юань.

– Э-хэ-хэ, молодость, молодость. Мой сын мне говорит то же самое. У Неба много путей, выполняй только ту повинность, которую Оно на тебя полагает, – это твой крест. Но желающему попасть в Рай Небо облегчает ношу, иначе, как он туда попадет? Так и ты, постоянно имей Райские обитатели перед глазами, и Небо о тебе позаботится. Беда в том, что дети не слушают своих родителей... А вот чужие дети, они уважают советы старших. Так устроен мир, нет пророка в своем отечестве.

Они вышли из церкви на улицу, глаза старика Боржгон Мэргэна излучали боль и Свет, далекий, словно горний Иерусалим, которого пыталась достичь его душа, и Ван Юань поклялся, что обязательно войдет в Рай и принесет оттуда старику, доверявшему ему больше, чем собственному сыну, вечную Небесную усладу.

На следующий день за городом в степи были устроены показательные выступления и соревнования, воины состязались во всех видах боевого искусства, каждая сотня показывала, на что она способна в бою, – темникам необходимо было знать, с чем и с кем они идут в поход.

Стрелы Ван Юаня ложились одна к другой в круглый красный щит, а не носились по степи, как стрижи. Это повторялось снова и снова – десяток в самое яблочко, на полном скаку. Многие просто не успевали их выпустить, и если половина попадала в щит, это считалось достижением. А на финише еще нужно было успеть зарубить «неприятеля». Даже Налгар, который своими крепкими руками сгибал лук в колесо, не успевал достать все стрелы их колчана, хотя и стрелял очень метко. Но его семь против десяти Ван Юаня...

– Мой конь, словно вихрь, мог бы скакать помедленней – отшучивался Налгар, хотя конь Ван Юаня к финишу все равно приходил первым.

«Дождь» – боевой конь, привезенный братьями Ван Юаня из похода к последнему морю, умел притормаживать на скаку, когда всадник натягивал лук, шел ровно, словно мастерски оперенная стрела, а потом срывался в дробный галоп, внезапно, как налетевший шквал, за что и получил свое имя. Это позволяло Ван Юаню выпустить все десять стрел в цель, а потом приходиться первым к финишу. Но не последнюю роль здесь играла его природная ловкость и меткий глаз. Так или иначе, в их сотне равных ему не нашлось.

Но вот командир другой сотни кэшиктенов показывал настоящие чудеса. Он успевал выпустить двенадцать стрел, и они ложились в цель так ровно, как шов хорошего мастера, по самому краю круга, и ни одна не пролетела мимо красного щита. А к финишу он несся, словно ласточка, и опережал даже ветер с «Дождем». Вероятно, все потому, что всадник был легким, можно сказать даже изящным, не имел косой сажени в плечах, но при этом рубил мечом, как настоящий багатур. Ван Юань моргал глазами и не успевал уловить тот миг, когда воин наносил удар; только мешок, туго набитый кусками овчины, распался на две части – от плеча до седла.

Ван Юань сделал три заезда, соревнуясь с этим воином, и ни в одном не победил.

– Это тебе, брат, не шутка, – утешил его Налгар, когда Ван Юань подъехал к своей сотне после очередного поражения. – Столкнись с таким в степи, и твои кости обглодают волки.

Ван Юань кисло улыбнулся и оглянулся через плечо. Воин ехал следом неспешным шагом, направляясь прямо к ним. На голове – кожаный шлем, окованный серебром, видны только глаза и тонкий нос, в седле держится, словно родился в нем, ровно, с расправленными плечами, не тучно, как большинство воинов и, прогибаясь под ногу коня, будто насмехается над остальными наездниками. «Все дело в грации, – окончательно решил Ван Юань, – легкость ветра, доступная не каждому».

Будучи мальчишкой, он любил взбираться, взлетать на скалы с порывом ветра, не чувствуя веса собственного тела, но когда вырос, отяжелел, с удивлением стал замечать, что это делать все труднее и труднее. Ветер уже не подхватывал его, и тело уже не казалось невесомым.

Воин подъехал и спрыгнул с коня – прямо слетел с него, словно птица.

«Его что, духи носят над степью, – невзначай подумал Ван Юань, – или он сам этот дух?»

Еще с детства Ван Юань замечал много разных мелочей вокруг, на которые остальные просто не обращали внимания. Эта невольная наблюдательность порой ему портила отношения с друзьями, а их небрежность досаждала, ведь в душе он оставался настоящим ханьцем, хотя и вырос в степи. И только бабушка однажды к случаю заметила, что императорская кровь, текущая в его жилах, брезгует брать кусок из чужого рта.

О том, что их предки были императорских кровей, в семье никто не говорил, хотя на это указывало их родовое имя Ванов

. Обменяв однажды царство земное на Царство Небесное, в их семье больше никто не кичился своей родословной, да и не было в степи среди равных в этом потребности.

Но вот перед ним неизвестный воин – особа с царской осанкой и поведением, – тонкие губы в надменной улыбке, быстрые глаза смотрят самодовольно и почти с презрением, как он, мол, посмел тягаться с наследником богов... Тут Ван Юань сразу вспомнил о своей родословной, его самолюбие было задето самым неожиданным образом. Рука невольно легла на рукоять кривого татарского клинка.

Это движение не осталось незамеченным сотником Налгаром.

– Юань из настоящих ханов, смотри с ним поосторожней, Наргиз, – произнес он.

«Странное имя для воина», – только и успел подумать Ван Юань.

В это время Наргиз снял шлем и оказался... милой улыбающейся девицей. А эти глаза... В них совсем не надменное презрение, а озорное лукавство.

– Не было еще в степи коня, которого бы не укротил настоящий борджигин, – заявила девица, распрямив плечи и подняв при этом очень даже приметную грудь. Ван Юань удивился, как он раньше ее не заметил.

– Знакомьтесь, моя сестрица Наргиз – «проходящая сквозь огонь», – представил Налгар. – И только поэтому эта телушка находится в обществе настоящих багатуров.

Налгар попытался дать своей младшей сестре подзатыльник, но сам тут же получил «пятой» ладони в лоб. Наргиз в один миг приняла странную боевую стойку. В следующий момент ее могучий братец отлетел на три метра и приземлился на пятую точку.

– Вот так, будущие нойоны, никогда не имейте дело с монгольской женщиной, если не желаете каждый день ронять свое собственное достоинство.

– Где ты видел в Монголии таких женщин? – с напускной важностью спросила Наргиз.

– Ее мать – настоящая Хатум, царица Бухары

, – объяснил Налгар. – Отец привез ее из похода и лишь только потому, что она задала ему хорошую трепку. Перед тем, как пленить ее, он сражался с ней двое суток, преследуя по пустыне. В конечном счете, Хатум его чуть не убила, вероятно, пожалела... И ввиду настойчивости преследовавшего ее воина согласилась стать его женой. Свою дочь она научила драться, подобно дикой кошке, и теперь у меня есть такая чудесная сестра.

– У матери был учитель, похожий на тебя. – Наргиз указала пальцем на Ван Юаня. – Он объяснял ей о Небе, о Вечности, о Тао... Ты случайно не знаешь, что такое Тао?

– Тао – это древнее учение о бессмертии, – с достоинством ответил Ван Юань, ведь его тоже обучали учителя из Поднебесной. – Но нет нужды бессмертному со Христом искать бессмертия на стороне.

– Ты надеешься войти в Рай? – вдруг совсем откровенно спросила Наргиз.

– А ты нет? Тогда зачем отправляешься в поход?

– Ну, пожалуй, это моя тайна, и я тебе ее не открою, – с хитринкой в глазах промолвила девица.

– Наргиз надеется достичь Бухары и отыскать там сокровища, спрятанные ее матерью. Только она одна знает это место, – открыл все планы сестры ее разговорчивый брат.

– И сокровища тоже, – уверенно объявила Наргиз, давая понять, что это не самая важная ее тайна.

Они еще долго болтали о разных вещах, а Ван Юань замечал, что Наргиз действительно чем-то отличается от женщин и девушек, которых он знал до этого. Его привычная наблюдательность неожиданно открыла новые территории – пустынные и пронзительно утонченные области, пропитанные нежностью и огнем, еще неизвестные его сердцу. Но все же, пожалуй, чем-то напоминающие ту самую древнюю монету, зажатую в его кулаке.

Невзирая на то, что Ван Юань не смог победить бестию из Хорезма и не занял первое место, сотне Налгара выдали положенную награду – десять зажаренных баранов и бочонок архи – «священного пота»

, изготовленного из козьего молока. Сотне Наргиз выдали тоже десять баранов и бочонок крепкого напитка, но изготовленного уже из отборного кумыса, что было намного престижнее; впрочем, Наргиз, как и монгольское войско, считалась непобедимой, так что Ван Юаня все поздравляли, и он стал героем дня.

На устроенный по этому поводу пир были приглашены все друзья, родственники и само собой – вышестоящее начальство, а также сотники тумена кэшиктенов со своими помощниками. Вскоре на дорогих коврах, расстеленных прямо в весенней благоухающей степи, разлеглось пол-улуса. Десять баранов и бочка архи – капля в море, Ван Юань начал чесать затылок, но ему на выручку пришел Боржгон Мэргэн. Он шепнул что-то на ухо Налгару, и в считанные минуты возле разведенных в степи костров появилось целое овечье стадо, а из столицы прибыла арба с бочонками. Оказалось, резать баранов, вымачивать мясо в кумысе и жарить его тут же на костре настоящим монголам куда приятней, чем просто лежать, объедаться, упиваться и ничего не делать. Особенно, когда молодая кровь играет в жилах – здесь каждый показывал, чему его научили в родном курене, ведь правильно выбрать, приготовить и зажарить барана – это еще то искусство. Тут нашлись и настоящие мастера, и искусные в дегустациях эксперты с особым мнением – неподкупные критики, которым сложно было угодить. С ножом в руке они ходили от барана к барану, отрезали лакомые куски и, пробуя, кривили губы: этот жестковат, этот пережаренный, этот отдает старым козлом, а этот мог бы еще погулять в стаде, так как не набрал нужный аромат. По степи плыл улаждающий чувства и будоражащий внутренности запах; вскоре этот запах добрался до столицы, и оттуда прибыло много уважаемых гостей, они подходили с дорогими подарками лучшему стрелку, и Ван Юань в один день стал богатейшим воином в степи. Он даже чувствовал себе несколько виноватым, будто украл победу у Наргиз. Но она веселилась вместе со всеми и, похоже, не собиралась обижаться.

– Женщина в степи привыкла к унижениям, – усмехнулась Наргиз в ответ, когда Ван Юань подошел к ней и извинился за весь этот праздник в его честь. – Мне достаточно того, что я пью и веселюсь вместе со всеми, а не сижу в юрте и терпеливо жду пьяного мужа. И хотя порой я веду себя вызывающе, это просто бравада. На самом деле я знаю свое место, но не более того... И не стану сидеть

сиднем у семейного очага, а умру вместе со своим избранником в один день, сражаясь с ним плечом к плечу. Это лучшая доля, и я выбрала ее для себя.

И снова повеяло знойным дыханием пустыни, увлекающей вглубь своей неведомой тайной – пески хранили ее с осторожностью, показывая лишь издали в неясном мираже и, обнажая время от времени выбеленные солнцем кости падших, отправившихся на ее поиски.

В это время Ван Юаня, виновника торжества, позвали. Пришли очередные гости, к ногам победителя был брошен прекрасный ковер, сотканный где-то в далекой родине Наргиз, – взглядом царицы она по достоинству оценила подарок, а Ван Юань понял, что это она дарит ему этот ковер, этот праздник и все, что вокруг. Так, пустые вещи, и по праву она не пренебрегает даже ими, но есть гораздо большее. И это большее – её еще никем не открытая тайна.

По мере продолжения праздника гости упивались, кто-то уже лежал, отяжелевший от мяса и архи, кого-то уже уронили, так как монголы не могли прожить и часа без борьбы: голые по пояс, они сталкивались друг с другом, словно бараны, а у побежденного уже не было желания подниматься. Благодаря появившимся новым героям, среди которых в первых значился Налгар, слава рыцаря дня Ван Юаня ушла в тень, и он был очень этому рад. Он чувствовал себя обязанным истинной виновнице торжества – Наргиз, и все никак не мог забыть ее взгляд, разрезающий, словно острый меч, надвое степь и его сердце. Невероятно, но там существовали иные просторы, иные бескрайности, по которым он еще не гулял.

– У тебя хороший конь, – слышалось сзади, когда Ван Юань сидел в задумчивости, пытаясь за мутной пеленой праздника разглядеть истинную внутреннюю степь.

Ему казалось, что оттуда надвигается опасность: обещающая золотые горы страсть, но отнимающая его свободу и уверенность в себе. С другой стороны, он понимал, что ему недостает полноты жизни, и в том, чтобы быть господином сразу всей степи, нет ничего плохого или зазорного. Тогда откуда опасность? Неужто из пустыни? Но ведь в той стороне Святая Земля, а за ней – вечное Царство Небесное, Райские сады с плодами, похожими на солнце. Сколько их уже кануло за горизонт, старые «вороны» говорили, что все солнца уходят в Рай,

и нет ни одного, что осталось бы в степи. Глядя на закат, они часто рассуждали о своем последнем путешествии на запад, а юному Ван Юаню почему-то всегда при этом представлялся восток – открытые двери в Рай и сверкающая, слегка извилистая, дорога, по которой он восходит навстречу Солнцу-Христу.

– Этот конь знает пески, по которым гуляла твоя мать, – Ван Юань обернулся на голос Наргиз. – Он не менее вынослив, чем монгольские лошадки, и может по нескольку дней обходиться без воды. А в галоп переходит прямо со старта. Хороший конь.

Сказав это, Ван Юань глубоко вздохнул.

– О, я вижу, ты устал от славы, – произнесла Наргиз. – Может, проедемся в сторону гор? Видишь ту скалу – на ней мое любимое место. Оттуда видно всю столицу и даже то, что будет завтра.

Девушка загадочно улыбнулась, прикусив тонкие губы. Похоже, она не привыкла предлагать что-либо подобное и испытывала сейчас неловкость, а вдруг, сославшись на усталость, этот баловень судьбы откажется, и ее сверкающая корона покатится с головы прямо в песок. И, не дожидаясь ответа, «царица песков» легко вскочила на своего коня и умчалась в направлении гор.

Ван Юань поднялся и, приложив ладонь, посмотрел Наргиз вслед. При этом он заметил, как ее брат Налгар, голый по пояс, положивший очередного противника на лопатки, подмигнул ему.

– Еще никому не удавалось приблизиться к Наргиз ближе, чем на полет ее стрелы, – сказал Налгар, отирая полотенцем свое мускулистое, вымазанное бараньим жиром тело. – Но сегодня у тебя есть шанс. Я советую поспешить ей вслед; возможно, Наргиз откроет тебе одну из своих тайн – у нее их много. Она, например, может даже рассказать, что с тобой произойдет в будущем. Порой Наргиз видит удивительные вещи. Кстати, она предсказала, что сегодня именно ты одержишь победу в соревновании багатуров. Так что не медли, брат!

– Пожалуй, попытаюсь еще раз догнать ветер, – согласился победитель кэшиктенов, лучший из лучших и не сумевший справиться с прыткой девицей.

Ван Юань вскочил на коня, и сотник Налгар хлопнул того по крупу всей своей жирной пятерней.

Только тот может почувствовать степь всей душой, кто мчался по ней, весенней, сплошь покрытой цветами, за юной мечтой – красавицей, девушкой из снов. Если у вас этого не случилось в жизни, откуда вам знать, что там, куда умчалась мечта, у самого края степи, Небо достигает земли. Вероятно, вам никогда не понять, как в погоне за счастьем с души одна за другой слетают одежды и, вдыхая новую жизнь, она обновляется вместе со степью, а цветочные луга под ногами становятся Райской землей. И как такому объяснишь, что, попирая всю логику десяти тысяч вещей, Любовь все прощает и уже не требует объяснений, а чистота сердечного порыва легко пронесится над бездной и на всем скаку влетает в содружество Ангельских сил? Ведь во всем, что стремится к Любви, есть одна великая тайна, и каждое создание под Небесами, по мере возможностей, открывает заветную дверь... Но что объяснять остывшему сердцу? Что тогда говорить, если вы ни разу не скакали сломя голову по весенней степи, отринув логику тьмы вещей, не доверились ветру и не пронесли над бездной на крыльях Любви.

А мир поражен... Мир недоумевает, как два нежных цветка выдерживают натиск железа, как крошится сталь, ударяясь о зеленые стебли, как аргументы логики – горы, рассыпаются в прах, и сама природа вещей становится бессильной... И миру ничего не остается, как только согласиться и пойти на компромисс, констатируя чудо как факт.

– Ты смелый, однако... В степи за связь с чьей-либо дочерью сразу отрубает голову, – Наргиз остановила коня у скал.

– Какую связь? Вот эту?

Ван Юань развел руками, показывая вокруг себя на цветущую степь, горы и небо над ними – дыхание и жизнь.

– Ты ничего не докажешь, голову отрубят раньше, – беззаботно махнула рукой Наргиз.

– Мне нельзя рубить голову, я сын нойона, – отшутился Ван Юань. – Извини, кажется, это не время для торга?

– Ты прав... – Она отпустила поводья своего коня. – Мы поднимемся на скалу, и там нас никто не достанет.

– Но разве можно избежать пересудов, выставя себя на всеобщее обозрение? К тому же, текущие с гор ручьи слишком болтливы.

– Небо нас защитит, в том числе и от злых языков.

Наргиз, как и подобает гордой принцессе, не оставляла выбора: взбираясь на кручи, шла по краю сразу и до конца, без предварительных объяснений. Ван Юань взглянул вниз, и у него закружилась голова, сердце учащенно забилось в груди, он сжал в руке монету с крестом.

– Не беспокойся, я не нарушу законов степи, – сказала Наргиз, видя, как побледнел ее спутник. – Мы уже настолько близки, что достаточно только дыхания, ты дышишь мной, а я тобой... С первого момента нашей встречи, и не существует никаких преград. А телам воинов, приученных к дисциплине, приятней любить на расстоянии.

Ван Юань застыл в изумлении: Наргиз смотрела прямо в сердце, обнажая его до незащитности. У него еще не было женщины, но даже если бы он переспал со всем гаремом Чингисхана, вряд ли был бы столь уязвим – до самого дна, до тех потаенных мест, где трутся друг о друга несчастные черви, целуются голуби и срываются со скал орлы! Кто дал ей такое право? Не может быть, чтобы он.

Наргиз заглянула еще глубже и прошла сквозь него в степь, ее взгляд ушел в Небеса

– Мы что, уже муж и жена? – спросил Ван Юань, вспомнив, что девушка со странностями и способна прозирать в будущее.

– Я бы хотела... – медленно отвечала Наргиз. – Я умру за тебя... Но буду любить вечно. Я твой земной Ангел-хранитель.

В лицо дохнуло настоящим Откровением! Его мужественное лицо вдруг исказила гримаса, из глаз брызнули слезы, нет, не из глаз, а сразу из всего тела потекли целые реки слез – Ван Юань зарыдал навзрыд. На это невозможно было смотреть, это невозможно было снести просто так – камень, и тот бы заплакал: такой жертвы не смог бы понести никто!

Но Наргиз не стала земной... Слегка дрожащие губы, сложенные, словно для поцелуя, и прекрасные глаза, чуть прикрытые от яркого света, и нежность улыбки, слетающая с лица, словно лепестки роз, и бесконечная даль – он дышал с ней одним дыханием! Задыхаясь от слез, втягивал в ноздри цветущую степь и улетал к горизонту, за которым уже звенели золотом колокола Небесных церквей.

А кто сказал, что, уносясь в степь за мечтой, ты не достигнешь Любви? Кто сомневался? Вероятно, только тот, кто ни разу за всю свою длинную жизнь, не мчался за ней сломя голову по весенней цветущей степи.

Глава 4

На второй день, прямо с утра, Ван Юаня вызвали в юрту темника кэшиктенов Боорчу-батура. «Прощай моя голова», – подумал нарушитель дисциплины, хотя он и чувствовал себя героем, взявшим вражескую крепость. Но как объяснишь строгим командирам, не имеющим жалости к себе и не попускающим слабинки остальным, что он только держал Наргиз за руку, да и то чтобы не упасть и не сорваться со скал. Слезать по отвесной стене оказалось гораздо сложнее, чем взбираться на нее. Но оно таки того стоило... И хотя он посмел лишь заглянуть красавице в глаза, все же, чувствовал себя теперь настоящим мужчиной, и недвусмысленные улыбки на лицах товарищей после их возвращения в лагерь только придавали вес его авторитету. Да и кто из них смог бы покорить такую неприступную вершину?

– Хорош герой, ничего не скажешь, – пробурчал темник Боорчу-батур, когда Ван Юань явился по вызову.

– Очень хорош, – слышалось из темных глубин, и Ван Юань в ужасе узнал голос отца Наргиз Мэргэн-багатура.

Как же он забыл? У него совсем вылетело из головы обещание, данное Боржгон Мэргэну, сохранить себя в чистоте и принести из Рая заветные плоды. Но самое обидное, что ведь ничего и не было... Хотя он и ощущал себя теперь полноценным, настоящим мужчиной. И это невозможно было скрыть на сияющем от удовольствия лице.

– Смотри, какой красавец, – продолжал темник, ходя вокруг Ван Юаня и разглядывая его со всех сторон. – Победитель! Смелость города берет.

– Да... Этот славного отца своего Ван Бея не опозорит, – поддакивал ему Боржгон Мэргэн. – Ему впору самому командовать туменом...

После этих слов Ван Юань готов был провалиться на месте; краска залила лицо. «Скорей бы отрубили эту голову с лицом, так предательски покрасневшим, – ведь ничего же не было!»

– Вот я и говорю, – вел далее темник. – Соберем всех баб... А самых вредных и ворчливых сделаем его нукерами. Думаю, согласятся, моя старая ведьма первой прибежит. И во всей степи нельзя будет сыскать страшнее армии: за такого красавца каждая готова будет жизнь отдать.

– Это точно! – согласился Боржгон Мэргэн. – Родного отца не пощадят.

И тут они оба громко рассмеялись, хотя Ван Юаню было совсем не до смеха. Что говорить, лицом и осанкой он вышел на славу, мать у него – писаная красавица, имела тонкие черты лица, а отец... Род Ванов всегда отличался аристократичной внешностью, этого не скроешь.

– Но как не уважишь твою Наргиз, когда она наперед знает, чем все закончится, – развел руками темник, вытирая мокрые от слез глаза.

– Мдя... – протянул Боржгон Мэргэн. – «Ворона» каркнет – конь споткнется. – Она так и сказала, что если хоть волос упадет с его головы, вырежет полстолицы. Эта девка похлеще чумы, вся в мать.

– Да ничего такого не было, – произнес темник. – Если Наргиз не верить, то кому тогда? – Он снова развел руками. – Так-то, брат. Тут до тебя приходила одна

девица и просила... Да не просила вовсе, приказывала, чтобы тебя повысили в должности. Ну не может такой герой оставаться в тени.

- Тумен ему еще рановато, - степенно изрек Боржгон Мэргэн, подбоченясь при этом.

- Нет еще у парня боевого опыта, - согласился темник Боорчу-батур, качая головой. - Хотя это как посмотреть...

- Виноват, - выдавил, наконец, из себя Ван Юань.

- В чем именно? - улыбнулся темник. - Да подобными победами гордиться надобно. Если бы за меня просила такая девушка, я сам бы с радостью положил свою голову под меч. Не переживай, сынок. Вернешься из похода, женишься на Наргиз, и будут у вас еще дети. Будет тебе еще кого нянчить, старик, - обратился он к Боржгон Мэргэну, и они оба тяжело вздохнули.

- Дети выросли, стареем, - согласился отец Наргиз. - А помнишь, как такими, как он, мы заглядывались на дочь Бэлгутаи нойона... Э-э-э, как ее...

Боржгон Мэргэн попытался вспомнить и не смог.

- Онулун, точно, - подсказал Боорчу-батур. - Имела такую тяжелую длинную косу, постоянно бившую ее по бедрам.

- Нет, Онулун - это дочь Элджидай нойона. Эту я помню...

- Да нет же! У той было рябое лицо и бедра не такие приметные.

И они еще долго спорили, отдаваясь юношеским воспоминаниям, о том, у кого были круче бедра и кого первого женили, совсем не на той, которую так желало молодое пылкое сердце.

- Ах да, - наконец спохватился сотник. - Ты чего тут стоишь и краснеешь, победитель? Гордись, Наргиз сказала, что ты достоин командовать тысячей. Похвалу от нее не часто услышишь, она, брат знает, что говорит.

– Как же ему доверить тысячу кэшиктенов, еще не показавшему себя в бою? – как-то хитро спросил Боржгон Мэргэн.

Наблюдательный Ван Юань заметил, как у того заблестели глаза.

– Но и не доверять твоей Наргиз нет причин, – вслух размышлял темник. – Когда меня укусила змея, она одна знала, что делать, – как видишь, остался жив. Мы вот что сделаем. Ван Юань станет тысячником, а помощником ему определим Наргиз, она будет командовать сотней его нукеров и подсказывать нашему герою, как правильно брать города.

На том и порешили.

Из юрты темника, где с него сошло семь потов, Ван Юань вышел шатающейся походкой, ярко светило солнце, в голове свистели жаворонки.

– Вот видишь, – говорил ему Боржгон Мэргэн, вышедший следом. – Теперь тебе не придется никого убивать, у Неба на каждый случай есть десять верных решений. Теперь ты тысячник, охраняющий ставку главного хана, и всегда должен находиться при нем. А моя Наргиз будет охранять тебя, и, поверь, ни один враг к тебе не приблизится. Так ты прямиком и войдешь в Рай, чистый, без крови на руках.

– Разве я просил об этом? – снова виновато покраснел Ван Юань.

– Не смущайся, я тут не причем. За тебя просила бесстрашная Наргиз... Она хоть и моя любимая дочь, ее стоило бы хорошенько выпороть: эта бестия посмела говорить сегодня с Великим Ханом. Самое удивительное, что он ее принял и выслушал. А уж темнику Боорчу-батуру ничего не оставалось, как исполнить ханское повеление. А могли и голову отрубить, – плутовато взглянул на юношу Боржгон Мэргэн. – Но никак нельзя отрицать очевидное: Любовь тебя хранит.

Это верно... Но Ван Юань уже не чувствовал себя героем, а так, будто на него вывернули казан помоев. При полноте и самодостаточности он уже не летал над степью, не испытывал той особой легкости духа, с которой привык встречать

новый день, а надежды, рвущиеся в синеву, враз иссякли; разум еще вопил к Небесам, взывая о милосердии, но Те ничего не отвечали. В конечном счете, он решил окунуться в ледяную реку, чего ни один монгол не сделал бы, ведь воды в степи священны. Но Ван Юань не был настоящим монголом, его ханьская душа время от времени отзывалась на зов предков, и если он не ширял, подобно дракону, над горами, то его тут же тянуло в реку, в водную стихию, где обитали такие же священные существа, но уже по другую сторону реальности – сырой и кровоточащей, порой, вспоротой кривым монгольским мечем.

Настоящие монголы могли до бесконечности смотреть в степь, не падая и не взлетая: Небо священно, реки тоже священны, а степь между ними – как раз то место, где и положено быть человеку; здесь даже зверства имели свои оправдания – волки охотились, их убивали... А Ван Юаня постоянно тянуло уйти за флажки. Рассуждая о природе вещей, он приходил к выводу что страдания и жертвы не напрасны. Отдать кровь и получить Дух – обязанность каждого, но, поднявшись в Небо, упасть и разбиться о скалы проще простого. В общем – замкнутый круг, выход из которого возможен только при соблюдении всех правил, и то в ясную погоду: сиди и смотри в степь. Единственная проблема – долгое пребывание в бездействии, особенно в его возрасте, чревато внутренним бунтом. И вот он еще не узнал женщину, но уже понял, как это опасно: одно неверное движение – и ты срываешься в пропасть вместе с той бочкой меда, в которую по наивности и глупой доверчивости решил запустить поглубже руку. Иначе отчего над степью висит пелена; вероятней всего – она в глазах, и перед ними уже не чистое, свободное и бесконечное пространство, а те самые крутые бедра... Оказывается, он отчетливо их запомнил, когда взбирался по круче вслед за Наргиз. Вчера все было не так, все было иначе, но наступило утро... И вот, только единственная надежда, что Любовь действительно хранит – помнит и всепрощает, – а священная холодная река омоет от всякой скверны и вернет потерянные Небеса.

– Все непросто, брат, – снова услышал он за спиной, когда сидел у реки и смотрел, как вода медленно уносит никому не нужные мысли. – Наргиз – это глубокая река, в которой, возможно, вообще не существует дна. Таковую не перейдешь вброд.

Рядом возник ее самодовольный брат Налгар, он стоял, не решаясь присесть. Странная метаморфоза, еще вчера он был его командиром, а сегодня уже стоял навтыжку и ждал приказаний.

– В наших отношениях ничего не изменилось, – обратился к нему Ван Юань. – Садись рядом, если того желаешь. Ты-то хоть веришь, что между мной и Наргиз ничего не было?

– А ты? – в свою очередь спросил Налгар. – Как брат Наргиз я по опыту знаю, что ее откровения достаются дорогой ценой. Ты тут новый человек, но у нас все побаиваются Наргиз.

– Так чего же ты мне посоветовал?

Ван Юань сорвался на ноги, но вдруг поскользнулся, не удержался и плюхнулся в реку. Холодная вода вмиг вернула ясность рассудка. Налгар помог ему выбраться, и они вместе развели огонь – пришлось сушить одежду.

– А разве ты бы отказался? – продолжил разговор Налгар. – Наргиз не монголка, с которой все просто... Да и ты не монгол. У вас с ней есть что-то общее, это уже предопределено. Видишь, тебе таки пришлось окунуться с головой; возможно, именно благодаря этому ты постигаешь, что происходит за зеркалом реки, кто обитает в глубинах и какие у вас боги.

– Ты тоже рассуждаешь многосложно, не как монгол, – заметил Ван Юань.

– С такой поживешь, научишься всему. У меня в детстве утро начиналось с того, что мать обкуривала юрту смолой кедра и кропила везде Святой водой из христианской церкви, после того, как отец заходил к нам из юрты своей второй жены Хатум. А на улице меня уже ждала сестра и требовала мзду, иначе расскажет отцу, куда я запрятал бурдюк недопитой архи. Мы выросли, она перестала меня шантажировать, даже наоборот, помогала во всем, Наргиз выучилась драться, как кошка, и даже летать по воздуху... – Налгар оглянулся и перешел на шепот. – Настоящая ведьма! И я, конечно, стал гордиться такой сестрой. Увы, брат, теперь в твоих глазах я вижу тот же омут, хотя еще вчера ты летал в облаках. Так как ты считаешь, было что-то у вас с Наргиз?

– Я оказался не готовым понести всю эту ее глубину, – сделал вывод Ван Юань. – Я растерялся... Когда тебе предлагают сразу все, не знаешь, чего от себя ожидать.

– В следующий раз будешь осторожней, – посоветовал Налгар. – Порой, брат, мы сами не ведаем, какие чудовища обитают в глубинах нашей собственной души. Возможно, Наргиз здесь ни при чем...

И он рассуждал совсем не как монгольский багатур, хотя и был таковым с головы до пят, а как прибывший к ним из Мерва священник христианской церкви на исповеди.

– Я вот чего тебя искал, – вдруг вспомнил Налгар. – Возьми меня с моей сотней в твою тысячу; обещаю, мы не подведем.

– Вы уже в моей тысяче, – заверил его Ван Юань, натягивая на себя еще не успевшую как следует подсохнуть одежду.

От него стал исходить пар и прелый дух, словно от вспотевшего от груза осла.

– Ты мне сразу понравился! – вскричал обрадованный Налгар.

Он подошел к Ван Юаню, и они крепко обнялись.

– Раньше у меня была только сестра, теперь есть еще и брат. Может, ты, в конце концов, сумеешь оседлать эту гордую кобылицу, и у вас будут дети.

– Как знать... – задумчиво произнес Ван Юань. – Как знать.

Глава 5

В весенней степи время бежит быстро – в считанные дни сменяются травы и цветы. Каждая былинка в свой черед раскрывает Небу свою душу, вспыхивает, словно свеча, и сгорает, уступая место следующему откровению большой равнины.

Ван Юань ожидал продолжения их романа с Наргиз, по крайней мере, каких-то объяснений, но когда вначале сказано слишком много, последующие слова ничего не значат. К тому же военные сборы не оставляли времени и места для проявления каких-то чувств. Ответственности прибавилось, обязанностей

навалилось, словно камней с гор, ведь к началу похода у каждого воина должно было быть по пять лошадей и налаженная интендантская служба, состоящая из родственников: монгольская армия создавалась на принципах самообеспечения. Все это знали, за нарушение положений военного времени грозила смертная казнь, но все равно, на поверку, возникала масса недочетов. Этими проверками в армии как раз и занималась гвардия, нукеры великого кагана, и с них, в конечном счете, спрашивал хан, почему у пятого коня какого-нибудь меркита, потомка Челиду, стертые плохие зубы или вообще нет таковых.

Были и другие причины беспокойства: хотя курултай в ответ на письма из иранского Казвина

о бесчинствах там низиритов и принял решение о Великом походе против иноверцев, в самой степи у этих иноверцев оказалось много союзников. И не столько из идейных соображений, как из-за преследования личных корыстных целей: между потомками Чингисхана шла негласная борьба за власть, и каждый искал себе союзников на стороне, желательно, жестоких и коварных. Низариты, они же ассасины, прославившиеся своей охотой на сельджукских вождей, отлично справлялись с этой задачей. С их помощью кое-кто из ханов надеялся устранить конкурентов и таким образом расчистить путь к власти в империи, вобравшей к тому времени в себя бесчисленное множество народов.

Итак, согласие о начале похода, достигнутое на курултае, не было достигнуто в некоторых сердцах. Хань не видели смысла вступаться за христиан, хотя две трети монголов в степи исповедовали христианскую веру. Соглашаясь с волей верховного кагана, они, в свою очередь, заявляли, что тот принял это решение под влиянием жены-христианки своего брата. «С каких это пор монгол-борджигин слушает женщину, пускай это и Докуз-хатун, самая мудрая из них?» Некоторые улусы не поддержали выступление – решать эти проблемы, опять же, пришлось кэшиктенам, а появляться, даже начальству, во враждебно настроенном монгольском улусе всегда было делом опасным и непредсказуемым.

Ночная степь. Умиротворение, которое ты ощущал в своем сердце, глядя на красочный закат, в один миг уносит внезапно налетевшей ранней грозой; оттого и тревога, и степь, отвыкшая от грома, с ужасом внемлет поражению устоявшейся тишины. Ведь неясно, кто победитель, Небо или степь, и какой

спрос с сердца, доверившегося этой тишине.

Ван Юань поежился; холодные брызги загнали боящихся воды монголов в палатки, но он продолжал стоять на взгорье, встречая грозу лицом к лицу. Молнии били вдали по горам, освещая огромную долину, лежащую перед ним, и она казалась ему большим кораблем; там, за горами, в темени ночи пропадал мир, возможно, до бесконечности неизведанный и чуждый, там всюду бушевала гроза. И стоило ли ждать оттуда хороших вестей – чистого неба, дня грядущего – стоило ли покидать степь? Возможно, нойоны правы: отправляясь на запад, многие нашли там свою смерть; мир изменился, степь уже не та, но здесь только ветер и дождь, а там ночь без дна.

Ван Юань тяжело вздохнул: исполнить священный долг, добраться до Иерусалима, пройдя насквозь все эти враждебные миры, уже не казалось ему такой легкой задачей – светлой и манящей мечтой. Может, действительно, бегающие возле юрты на излучине Керулена маленькие дети, его и Наргиз, – это все, что нужно душе. Но как загнать Наргиз в ту самую юрту? Похоже, единственная возможность усадить девушку на белую кошму

– это вернуться обратно, славно завершив еще не начатый поход. Ван Юань стоял, удивляясь себе: как быстро он из степного орла превратился в токующего глухаря или ворона, зазывающего по весне в чащобу недоверчивую птаху. Но что мешает ему отбросить сомнения? Неужели любовь?

– Тот, кто противостоит водам, подвергает себя опасности. Монголы не зря избегают дождя: промокшие быстро получают горячку и потом долго кашляют кровью. Воды священны – не следует испытывать Небеса.

– Ты разве не крещенная? – спросил Ван Юань в темноту. – Или у тебя своя вера, не разрешающая окунаться в крещенскую купель? Может, тогда и в поход тебе не стоит идти? В моем курене найдется новая юрта из белоснежного войлока и большой казан, никогда не бывающий пустым, – о чем еще мечтать женщине?

Говоря это, Ван Юань довольно едко шутил, но все же в своих словах чувствовал железную логику и правоту и даже неизвестно на что надеялся. Но слишком ничтожными были сети, чтобы ими уловить ветер.

– Дорогой, я твоя женщина... Ты можешь мной располагать, можешь меня побить, если пожелаешь, – кротко произнесла Наргиз. – Но я не твоя жена.

– И что, ничего нельзя изменить? Давай умчим в степь... Степь, она большая. Говорят, на севере есть города, где крыши домов из чистого золота. А на юге – родина моих предков, и там никогда не видели снега.

– А еще есть город Бога – Христа, а в нем врата в Царство Небесное, – продолжила Наргиз. – Мы войдем в них... И там будем вместе навсегда!

Если бы по холму ударила молния, Ван Юань не испытал бы подобного потрясения. Наргиз не шутила, у нее была своя ясная цель, почти недоступная для понимания; молния таки ударила, освещая на миг край иной реальности – неземные Райские сады...

От удара у него чуть не треснула голова. По лицу стучали крупные капли и текли слезы. Мир померк и стал ничем.

– Не понимаю, почему мы не можем быть вместе, – сказал Ван Юань, когда темнота в глазах прошла. – Здесь тоже бывает весна, и душа способна чувствовать и любить, а сердце верить и ждать, и видеть великое в малом. Гроза пройдет, наступит рассвет и птицы запоют.

– Когда человеку дано слишком много, и он видит, из чего состоит мир, у него не остается выбора. Ему необходимо быть воином до конца. Ты спрашивал, крещенная ли я? Сейчас в степи, почитай, все крещенные и верят в Царство Небесное, предпочитая при этом ежечасно царство земное. И почти не найдется среди них тех, кто сумел бы сделать решительный выбор, раз и навсегда – переступить черту и не возвращаться обратно.

– Разве Бог требует от человека каких-то непосильных жертв? – возразил Ван Юань. – В степь не раз приходили лжепророки, пытаясь увести монголов в горы, – их кости давно изгрызли собаки. Имея степь и Небо над головой, монголы не доверяют пустым обещаньям: все, что необходимо, у них есть, а их вера во Христа – это благодарность Небу за его щедрость. Раньше они смотрели в Небо и видели бесконечность, теперь они знают Отца Небесного и Сына-Христа, и им этого достаточно. Отец и Сын на Небе, и каган на земле – вся власть. Монголы приняли Дух и стали непобедимыми. Это уже нераздельно, а любое дробление –

откровенная порча целого. Не бывает двух вер, в этом сила монголов. Поиски внутреннего смысла и докапывание до сути приводят к раздорам, уж лучше иметь то, что есть, пускай и без вычурности, но не отвергающее жизнь.

– Может, оно и к лучшему... – согласилась Наргиз, – Но нельзя сварить две головы в одном казане. Я не монголка, вернее, лишь наполовину... Вторая часть меня – это бездна, раскрыв ее однажды, уже не могу стать прежней. Впрочем, как и ты... Пока храбришься, но обязательно, рано или поздно, столкнешься со своей бездной и поймешь, что нет дороги назад.

– Вера во Христа преодолевает все преграды, – с уверенностью произнес Ван Юань.

– Ну, а я о чем... Хотя люди несовершенны и в повседневности стараются жить своей жизнью. Кому-то это удастся, а кому-то нет... Узнаешь себя получше, не будешь задавать глупых вопросов. Или тебе неизвестно, что излишнее любопытство привело людей к падению. Степь удерживает монголов в относительном неведении – тем самым они постигают мудрость жизни. Но в других странах они сталкиваются с настоящими безумствами, там открывается бездна преисподней, и трудно выдержать меру... Мои предки по материнской линии испокон веков занимались магией и были настоящими исчадиями ада. Неужели ты желаешь получить за мной такое приданое?

В один момент Ван Юань почувствовал, что ему не хватает воздуха, вернее, его слишком много чтобы сделать просто вдох. Дыхание перехватило.

– Но какое ты имеешь ко всему этому отношение? – он с трудом проглотил очередную порцию воздуха. – Ты ведь крещеная?

– Меня крестили, и бездна открылась во всей красе. Я, конечно, летаю над ней... Но странные способности видеть будущее и чувствовать, как твою руку направляет неведомая сила, не оставляют мне выбора. Я должна оставаться воином, в моем положении – воином Света. А тебе нужна добрая надежная монгольская жена, ведь ты тоже висишь над бездной, хотя и обучался искусными учителями выдерживать равновесие.

– А монголы, они как?

- У них есть степь, она изначально, из рода в род, формировала твердую почву под ногами, и они стоят на ней очень крепко. Простота, с которой они смотрят в степь, - гарантия их безопасности.

- Но теперь пришлый мир вторгся в эти заповедные места.

- Да, это катастрофа, - согласилась Наргиз. - Поэтому мы идем в Иерусалим искать убежища на Небесах.

После курултая в степи неизбежно началось «переселение народов». Те, кто поддерживал крестовый поход, стали группироваться вокруг христианских ханов, потихоньку перебираясь в их улусы, передвижения объяснялись подготовлением к походу, что, в принципе, таковым и являлось. Но христиан в степи было почти две трети от общего количества монголов, и многие уходили из своих улусов тайно, под покровом ночи, их преследовали, они огрызались внезапными ударами. И хотя днем в куренях царили мир и спокойствие, ведь все монголы - братья, ночью с легкостью можно было нарваться на острые клинки. А крест на щите стал в степи своеобразным пропуском.

Тысяча Ван Юаня, авангард кэшиктенов, обязана была охранять ставку верховного правителя, но сейчас у них добавилось забот: хан Хулагу, назначенный командовать крестовым походом, медлил, оттягивая на себя силы, и кэшиктены великого кагана стояли в качестве заслонов в степи, где то и дело происходили стычки.

Наряду с крестовым походом начиналась грандиозная кампания по завоеванию всего Китая: степь шла покорять династию Южная Сун

. Эту задачу взял на себя верховный каган, разделив войско на четыре армии, одной из которых командовал он сам, а другой - его брат Хубилай. Этот хан тоже предпочитал брать в поход христиан, так как они всегда хранили ему верность и, находясь среди других народов, он мог не опасаться их сговора с иноплеменниками. К слову, хан Хубилай был крещеным своей матерью-кереиткой и покровительствовал христианам, тогда как хан Хулагу являлся почитателем Будды Майтреи

. Само собой разумеется, Хулагу желал отправиться в Китай, но верховный каган опасался, как бы все христиане не ушли с Хубилаем в Иерусалим, и тогда Хулагу ничего не стоит заключить союз с буддийским населением Поднебесной.

Поэтому он послал Хулагу под присмотром его жены-христианки завоевывать Царство Небесное, а Хубилая взял с собой в Китай: хитрый тактический ход позволил верховному кагану стабилизировать ситуацию, и перебежчиков стало значительно меньше. Но многие понимали, что доверие между братьями потеряно, и армии, как и народы, расходятся из родной степи навсегда.

– Смотри, снова отряд перебежчиков, – указала Наргиз в сторону прохода между горами, когда очередная молния вырвала из мрака долину.

– Это тень от горы, монголы не будут мокнуть понапрасну, – возразил Ван Юань.

– Непогода лучшее время, чтобы сняться и уйти незаметно. Тут уже не до предрассудков. Ты видел, как они смотрели на нас днем, когда мы проезжали мимо их куреней.

– Да, уже нет прежней дисциплины, той, что была при Чингисхане, – согласился Ван Юань. – Мой отец ни за что бы не посмел ослушаться приказа.

– Времена изменились... Когда в других странах наши командиры на добровольных началах набирают себе целые армии, люди в степи сами хотят выбирать себе ханов. Одни желают достичь Райских садов, другие – поселиться у теплой реки, где совсем не бывает снега.

– Степь уже не та. Может, и нам... лучше отправиться в Китай?

– Ты ничего не понял из того, что я говорила, или просто пошутил? – переспросила Наргиз.

В этот момент снова ударила молния – далеко, за горами; гроза ушла на восток, а «тень» заметно приблизилась, двигаясь на запад. И снова было трудно понять – люди это или игра воображения.

– Пора поднимать воинов, – сказала Наргиз.

– Кто-то у нас видит будущее?

– Оно уже стало настоящим! – воскликнула девушка и сильно толкнула Ван Юаня.

Тот кубарем полетел с холма, а над ним просвистело несколько стрел.

Бой был неожиданным и недолгим: натолкнувшись на заградотряд, разведка кочевников быстро ушла обратно в степь, и к следующему удару молнии тени у горы уже не оказалось.

– Будем преследовать или оставим все, как есть? – спросил тысячник Ван Юань у своей помощницы.

– Люди шли на запад, нам стоило их пропустить, – произнесла Наргиз, блеснув крестом на щите в еще неясных бликах зари.

– Меня все больше тянет на Юго-восток, – признался Ван Юань.

– Это лишь подтверждает мои слова – связь с прошлым слишком крепка. Ты еще только начинаешь познавать свою суть; в конечном счете может оказаться, что Райские сады тебе в тягость... Но не беспокойся, лучшее лекарство от этого – долгий путь по знойной пустыне; она иссушит желания, и змии, живущие в сердце, подохнут.

– Разве Бог требует от человека таких непосильных жертв? – снова спросил Ван Юань и понял, что это уже было.

Наргиз ничего не ответила, только стеганула своего коня и унеслась в степь.

Глава 6

Вскоре Ван Юаня вызвали в ставку. Степь поднялась и опустела, он гнал коня и не узнавал знакомых мест.

Верховный каган со своим братом Хубилаем сидели на белой кошме и пили чай, привезенный из Поднебесной. Монголы изначально никогда не питались травой, но теперь многое поменялось: ханы, подражая императорам, пили «напиток Сынов Неба», кривились, закатывали глаза в поисках этих самых небес и все никак не могли добрать вкуса. В конечном счете, каган выплюнул терпкие листья и швырнул чашку в дальний угол. Он щелкнул в воздухе пальцами, и слуга-китаец тут же налил ему кумыса; этот кисловатый бодрящий напиток сразу вернул его в родную степь.

– Как можно питаться такой пустой пищей? – спросил он Ван Юаня, стоящего тут же и ждущего приказаний.

– Не могу знать, я вырос в степи, – ответил наследник традиций славных императоров.

– Твои родственники служили нам верой и правдой, отец и братья – настоящие багатуры, разгромившие Хорезмшаха. Если бы они пили эту пустую воду, разве смогли бы совершить сколько подвигов?

– Они и сейчас славно воюют, – добавил Хубилай. – Я послал их устроить мне ставку в Дайду, рядом с бывшей столицей чжурчжэней. В прошлом походе Ван Бей отличился тем, что умел находить воду под землей; надеюсь, к моему приходу они накопают достаточно колодцев. К тому же, я распорядился согнать пастухов с пастбищ.

Хубилай, в отличие от брата, красноречиво продолжал смаковать заваренный чай.

– Лошадям нужна трава и вода, но монгол не лошадь, – рассмеялся каган. – Он этого зелья у меня только разыгрался аппетит.

Он кивнул боорчу, и тот стал подавать мясные блюда на стол.

– Садись, тысячник, у нас к тебе долгий разговор... – предложил каган, но Ван Юань замер от неожиданности и не смог сдвинуться с места.

– И это тот герой, за которого просила племянница Наргиз, дочь нашего родственника Боржгон Мэргэна, – снова рассмеялся верховный хан.

– Монгол без коня не воин, – произнес Хубилай, – а у него отобрали даже меч, лук и стрелы. Не то бы он показал тебе, брат, как оскорблять священный напиток настоящих Сынов Неба.

Ханы громко рассмеялись, и Ван Юаню ничего не оставалось как принять приглашение.

– Налей ему архи, – приказал Хубилай повару.

Подумать только, вчерашний мальчишка, пришелец в степи, сидел за одним столом с великими вождями монголов. И все благодаря Наргиз. Как он сразу не догадался, что она их племянница... Ну и дела.

– Это правда, что ваш род Ванов принадлежит к императорским в Поднебесной? – спросил каган, когда Ван Юань немного осмелел после выпитой чашки архи.

– Род Ванов – выходцы из дома Чжоу; император У-ван свергнул дом Шан-Инь

и основал свою династию, – начал объяснять Ван Юань то, чему его научили учителя из Поднебесной.

– Послушай, я в этом не сильно разбираюсь, но уверен, Наргиз не выберет себе что попало, – заверил брата Хубилай.

– Вот это я и хотел услышать, – согласился каган. – Ты со своей тысячей пойдешь в поход с Хулагу. Боржгон Мэргэн просил отпустить тебя в Иерусалим, да и нам нужен рядом с Хулагу свой верный человек. Будешь следить, чтобы возле хана не терлись случайные люди, и заодно извещать нас обо всем, что там происходит. Для этого используй самых надежных посыльных из сотни Налгара, а если возникнет необходимость, то и его самого. Смотри, мы доверяем тебе, иноземцу, больше чем своим братьям, и все это благодаря честной службе твоего отца. Если справишься с задачей, мы вернем твоему роду Ванов ваш улус.

Хан довольно улыбнулся, вытерев жирные руки о полы дорогого халата. Он переглянулся с братом.

– Ну, по крайней мере, будет не последним человеком в империи. А что – вот тебе новый император. Осталось только завоевать китаев.

Ханы снова рассмеялись, а с ними и Ван Юань. И сразу отлегло от сердца – встреча с великими людьми восстановила потерянное было равновесие и духовную непоколебимость, сомнения исчезли. У него вдруг возникло желание вернуться на родину в качестве победителя; ведь нет большей радости для искренне верующего сердца, чем видеть, как торжествуют истина и справедливость.

Правда у каждого своя, маленькая или большая. И хотя все утверждают, что истина одна, в своих проявлениях она многолика; иначе как объяснить, что жаворонок с рассветом взмывает в небо, порхает и переворачивается, радуясь заре, словно дитя, а сова ненавидит солнце. И как понять то, что, всей душой стремясь к небу, он воспаряет в надежде и, возвращаясь обратно, не находит гнезда, не находит нежной любви своего сердца – только жалкий отчаянный писк, раздавленный копытами монгольских коней. И стоит ли ему после этого снова и снова взмывать в небеса?

А с востока, подобно року, надвигается буря – трубит в боевой рог Ангел Смерти. Он несется по степи, словно вихрь, облегчая ее от страданий, и меч в его руке обогрен кровью – в ней невежество и надежда смешались в приступе безумия – отчаянном вопле к Небесам.

Алая заря опалает степь, будет еще рассвет, он впитает в себя во всей полноте прекрасную жестокость. Но только тот способен приблизиться к рассвету, почувствовать сладость победы и горький вкус настоящей жизни, кто с мечом в руке пройдет степь до конца. Кровь стекает с клинка, и степь с жадностью поглощает эту соленую влагу, ведь невозможно росой утолить истинную жажду. Если только ты не привык ко лжи и способен еще чувствовать истину.

Без сомнений, будет новый день, чистый, как лепесток лотоса, сбудутся надежды, и степь освободит тебя от всех сомнений. Дети уйдут – алая заря накроет полмира и очистит от скверны... Но мало найдется людей, способных

понять, понести откровенность всей Истины и взглянуть без страха в глаза Ангелу Смерти.

Люди в детстве видели Свет. Ван Юань помнит Свет, Он словно огромный куст белого жасмина, посаженного его родственниками в бочку и кочующего по степи вместе с юртой. Гроза пронеслась, и утро – свежее, чистое, как цветы жасмина, всё в солнечных бликах, отраженных в капельках росы, – благоухающий Свет. Он проникал в юрту по утрам и плясал сотнями отражений на белом войлоке – свежесть и чистота. А утренняя прохлада только способствовала беспрепятственному Его попаданию в доверчивую душу.

Ван Юань готов пройти степь до конца, чтобы вернуть Свет обратно – себя в то самое утро, куст цветущего жасмина в росе, жизнь в красках, глубоких и четких до невыносимой сердечной боли. Решительность – это только начало... Но он, глядя в простирающуюся перед ним степь, крепко сжимает в кулаке монету с крестом и рукоять кривого монгольского меча.

В тот же день хан Хулагу поднял степь, и монголы двинулись на запад. В этом движении изначально присутствовал фатализм: целый день при ясной погоде под голубыми, почти летними небесами слышались раскаты грома; монголы понимали, что преступают какую-то роковую черту и на них ложится большая ответственность. И не было еще такой силы в степи, которая смогла бы понести это бремя. С другой стороны, кресты на щитах и крест в небесах помогали им сделать выбор, взвалить на себя Небо и повернуть землю на пол-оборота.

Новый тысячник кэшиктенов Ван Юань сразу бросился в глаза хану Хулагу – сторонник буддизма, именно того мистического течения, которое со дня на день ожидало приход в мир Будды Майтреи и начала вечного Небесного Царства на земле, хан верил в приход Мессии-Христа, как в приход Небесного Будды, устанавливающего для всех один единственный закон любви. Имея жену-христианку, он интуитивно понимал, о чем идет речь. Но его монголы, воины-христиане, были довольно простоваты и грубы, с ними можно было толковать разве что о лошадях, а хану Хулагу импонировала эстетическая утонченность и возможность глубокого проникновения в предмет беседы.

Он, конечно, мог изъясняться с женой, она всегда рассуждала точно и правильно, порой слишком правильно, опуская глаза и краснея, словно девица, а хан желал понять сущность человека, сущность любви как явления в этом человеке, достичь глубин и раскрыть весь потенциал, через любовь постигнуть вечность. Именно буддизм, как он полагал, обладает этой глубиной – запасом метафизического объема, способного дать его душе все ответы, мирно, спокойно, без спешки, без строгости и излишней требовательности. Ведь любовь – это дар Небес, а не расчет с человеком за выполненную работу. Так считал хан Хулагу.

Из рассказов пленных китаев он знал, что Будда Майтрея уже однажды являлся в мир в образе женщины – императрицы; где-то далеко на юге существовало даже ее изваяние, высеченное из камня. Хан Хулагу, конечно, желал увидеть все своими глазами, а судьба распорядилась иначе. Но ведь не исключено, что, войдя в Рай, он таки познает эту женщину – Небесную императрицу, равную его ханскому достоинству, соответствующую утонченности его чувств и мировосприятия, в полной мере отвечающую запросам его избирательного ума.

Сидя с чашкой чая, этого чудесного напитка, сообщающего уму тончайшую усладу, хан Хулагу уже не раз мысленно беседовал с ней... И содрогался от прикосновения к Тайне – вечной и непостижимой, дарящий любовь и постоянство в иссиня-зеленых, глубоких тонах, уводящей сознание из пыльной степи в прохладные небесные дворцы. Мир замирал, рука грациозно держала чашку, время мерно струилось без начала и конца, и на любой вопрос существовал готовый ответ, слетающий, словно голубь, с прекрасных уст Небесной императрицы.

– Говорят, земля круглая, как надутый бычий пузырь, хотя в ваших книгах написано, что она похожа на стол или скатерть, – обратился хан к тысячнику, подозвав его к себе.

– То, что земля круглая, утверждала одна из императриц Поднебесной – единственная женщина-хуанди. Точнее, у нее служил алхимик, который и пришел к подобному заключению.

– Тебе известны такие подробности? – удивился хан.

Похоже, он не ошибся. Этот тысячник с лицом и прической киданя разбирается не только в лошадях. Да и конь у него какой-то особенный – невероятной утонченности и красоты, не такой, как у остальных монголов.

– У меня были учителя из Поднебесной, их привезли в степь мои братья на диковинной коляске, умеющей измерять землю, доверху набитой древними свитками. По этим свиткам они меня и учили.

– А коляска эта где? – с интересом спросил хан. – Может, нам стоит захватить ее в поход. Ты умеешь читать эти свитки?

– Коляска сломалась, но ее можно починить, – ответил Ван Юань. – Правда, это займет некоторое время.

– Хорошо! – обрадовался хан. – Мы не будем спешить. Пускай на пастбищах, лежащих впереди, подрастет трава.

И он тут же распорядился сделать остановку. Вперед были посланы воины, чтобы согнать пастухов с пастбищ и заодно устроить переправы через реки. А Ван Юань отправился с сотней Налгара к себе на Керулен забрать повозку, свитки и всех учителей.

В родном курене Ван Юаня встречали, как победителя. Уйдя из материнского шатра мальчиком с мокрыми глазами и шмыгающим носом, он вернулся, как герой, в сопровождении писанных красавцев – богатырей, которые без промедления выполняли все его приказания. Кроме одного...

Мать честная, так это же девка! В степи еще не видели девушки-багатура, весь курень, а особенно женщины, высыпали из юрт и ходили целым стадом за Наргиз в надежде хотя бы одним пальцем прикоснуться к её сверкающим золотом латам. В чем в чем, а в изысканности убранств Наргиз себе не отказывала, тем более, что золотые доспехи ей подарил дядя – сам верховный каган. Их блистание затмило даже славу Ван Юаня: в степи стояла прекрасная солнечная погода, а сама Наргиз сияла, подобно Ангелу.

– Кто же эта прекрасная девушка, сынок? – спросила мать Ван Юаня, когда он, согнувшись, поцеловал ее колени. – Неужели у тебя самое настоящее Небесное начальство?

– С чего бы это? – удивился Ван Юань.

– Но ведь я не видела, чтобы ты отдавал ей приказы? – заметила мать. – Вот все твои багатуры чинят императорскую повозку, которую привезли братья из Кайфына

, а она гарцует на жеребце по куреню. Да еще кэшиктены говорят, – мать перешла на шепот, – что она дочь самого...

Мать показала пальцем вверх и прикрыла ладошкой рот.

– Эх, мама, мама, ну разве женщина может знать, как починить такую сложную вещь! – с досадой воскликнул Ван Юань. – И не дочь она вовсе, а только племянница.

– Так это правда? – мать вмиг побелела. – Так что ж мы не приняли её, как подобает славной дочери великого Чингисхана! Ты совсем у меня болван неотесанный! Что она теперь о нас подумает!

– Ах, оставьте, мама! – махнул рукой Ван Юань, но было уже поздно.

Мать хлопнула в ладоши, в юрту вбежали слуги. Что она им сказала, было не слышно, но они тут же заметались по куреню, словно дикие осы. И этот рой увеличивался прямо на глазах.

– Мама, она еще только моя невеста... Ну не могу же я заставить ее почистить мне коня, например. Вот станет женой, тогда и будет чистить твои казаны, —ворчал совсем раздосадованный Ван Юань, видя, как эти казаны натирают до блеска. – Пусть пока поскачет...

– Ты совсем с ума сошел, сынок! – ужаснулась мать и огрела его бронзовым китайским подсвечником, первым, что попало под руку.

Ван Юань выскочил из маминой юрты, взглянул и вмиг лишился дара речи: весь курень стоял на коленях перед Наргиз, уткнувшись головами в землю.

– Ты почему не сказала мне сразу, что ты внучка Чингисхана? – спросил Ван Юань, помогая Наргиз слезть с коня, хотя в этом не было никакой потребности.

– Племянница, – кокетливо уточнила девица. – А внучка я – Хорезмшаха.

– Пошли, внучка-племянница, знакомиться с маминим казаном!

Ван Юань схватил Наргиз за руку и бесцеремонно потянул ее в материнскую юрту, словно козу.

Стоит заметить, Наргиз упиралась только для виду, ей приятно было чувствовать, что Ван Юань поступает с ней, как настоящий мужчина. До этого мужчины боялись даже встречаться с ней взглядом.

– Вот, мама, вам помощница на старость, – произнес Ван Юань, вводя Наргиз в юрту. – Приказывайте смело, хотя она мне еще и не жена.

Мать чуть не лишилась чувств, Наргиз ее сразу поддержала. Женщины тут же упали на колени и долго кланялись друг другу по древнему китайскому обычаю. В конце концов, мать сняла с себя золотой крестик и повесила на шею Наргиз – обе обнялись и расплакались.

Императорскую повозку починили, в сотне Налгара оказались настоящие кузнецы-умельцы, да и сам он хорошо разбирался в механике. Степь сейчас была далеко не так проста. Из всех округ в нее стекались «рукастые» люди: купцы из Византии привозили сложные чертежи и по ним создавались стенобитные и метательные машины, а из Поднебесной доставляли коляски, которые сами измеряли расстояния. Это как раз и была одна из таких. Правда, после монгольского ремонта измерять она уже ничего не умела, но катилась хорошо. В то же время курень Ван Юаня закатил пир горой – поводов было более чем достаточно. Мало того, что их посетили сразу Солнце и Луна, Наргиз, внучатая племянница Чингисхана, оказалась еще и невестой. Такое родство даже рабов в курене ставило вровень с нойонами. Правда, в этом курене рабы и ранее не

чувствовали себя ущемленными: люди, прибывшие сюда из Поднебесной, жили, словно одна большая семья. К тому же, их всех сразу крестили в христианскую веру. А какое может быть между братьями и сестрами превозношение? Матушку Ван Юаня, управлявшую куренем, так как мужчины, участвуя в походах, постоянно отсутствовали, почитали за святую. Впрочем, она и была такой, кроткой и мудрой, истинной христианкой. Но теперь возгордились сразу все. А когда Наргиз вытянула и показала золотой мамин крестик, висевший у нее на шее, курень возликовал: «С нами Бог и каган – кто устоит против?».

– Может, ты поспешил, назвав меня невестой, – сказала Наргиз, сидя на белой кошме за праздничным столом. – Но я бы желала ею быть.

– Пускай... Ведь нет ничего невозможного у Бога. Даже если нам суждено умереть раньше, эти добрые люди запомнят нас такими. Ты же знаешь, я с тобой с первого взгляда.

– Знаю, – кратко ответила Наргиз. – И все же я не твоя жена.

– Не стоит пустыми домыслами огорчать такой праздник, – улыбнулся Ван Юань. – Пусть ты даже трижды пророчица, у Бога всегда найдется бесчисленное множество решений. Таких... таких решений, которых человек даже не ожидает. Я очень жалел, что отец не взял меня в поход, я так желал увидеть далекую родину своими глазами. И сколько рассказов о ее дивных красотах я здесь переслушал от этих людей. Я даже возроптал на Небо... А вот как все обернулось.

– Ты еще увидишь свою родину, – пообещала Наргиз.

Ее взгляд чуть дрогнул и почти без боли прошел насквозь. И в тот же момент на глаза Ван Юаня накатили слезы – она глядела в душу так, как смотрят Ангелы, соединяя в себе Небо и землю, время и пространство, касаясь вечности этой самой души, ведь душа в человеке бессмертна, и стоит только в нее заглянуть, чтобы увидеть сразу все тысячу жизней и бесконечность, лежащую впереди. Но если б не было там Любви... Но если б в этом взгляде не было Любви, его можно было бы снести без проблем, обратить сказанное в шутку, в пустоту... А так – Ван Юань зарыдал, как дитя, склонив свою голову Наргиз на плечо, и она гладила его по голове, словно маленького ребенка, а собравшиеся недоумевали. Но Наргиз легким движением руки указала на трапезу – праздник

продолжается! И люди облегченно вздохнули. Ведь многие здесь сидящие помнили Ван Юаня еще ребенком, бегавшим с прорехой между ног... А что взять с маленького дитяти?

Глава 7

Травы поднялись где-то даже в рост человека; над ковыльной степью, покачиваясь, плавали монгольские всадники, провожая солнце к закату. Стада утучнели, как и люди; в предгорьях Тянь Шаня развелось много дичи – раз по разу устраивались ханские облавные охоты, и в них попадали не только звери. Войско постоянно пополнялось новыми людьми – охотниками и пастухами, остатками славной каракиданьской армии гурхана Елюй Даши, потомками царственной империи Ляо

Хан Хулагу не спешил. Передовые дозоры далеко уходили за перевалы, но основные силы только к осени вышли к границам монгольской степи, предварительно «добрав веса» – коней, людей и провианта. К этому времени по всему маршруту следования были заготовлены огромные склады продовольствия и фуража, наведены переправы, разбиты места стоянок. А где-то в авангарде уже разил врага бесстрашный баурчи Китбуга – найман, ревностный христианин, – проверяя камнеметами крепость стен Гирдекуха и Михрина

– Так ты говоришь, что ваш даосский император Узунг изгнал Будду из Поднебесной, а заодно и Христа; как же тогда в твоей стране процветает буддизм, откуда сотни монастырей, буддийских статуй и пагод? Те, кто побывали там, говорят, что местное население поголовно исповедует буддизм.

Хан Хулагу полулежал на подушках в своем походном шатре, как всегда с чашкой чая в руке; возле него в ряд, полусогнувшись, стояли китайские учителя

со свитками в руках, объясняя по очереди отдельные места из своих мудреных писаний.

- Поднебесная следует Дао

, мой господин, – произнес учитель Цюй Лиу, первый в очереди. – Поэтому мы с тщательностью исследуем всё, что предлагает нам Небо. И если оно соответствует мерному течению жизни, не нарушая баланс Инь и Ян, мы с радостью принимаем это учение. Главное – равновесие и плавное перетекание из одного в другое.

- Ну еще бы, как ты можешь заявлять о чем-то другом, если твое имя говорит само за себя, – засмеялся хан.

Он уже немного изучил китайский язык и знал, что имя Лиу означает «течение».

- А если я пошлю к вам Китбугу, и он огнем и мечом докажет, что его вера истинная, пришла с Неба, словно гром среди ясного дня... А вы, словно жабы в тинном болоте, грелись веками – и бац! Молния бьет прямо в вашу трясиину – грязь разлетается во все стороны, жабы – вверх тормашками, равновесия никакого! Что тогда, как объяснить? Примите такое учение? Ведь оно пришло с Неба, в этом нет сомнений.

- Христианство в Поднебесной не отрицало Будду, – осторожно возразил Цюй Лиу. – Во времена династии Тан

эти две религии мирно уживались в стране. У нас даже есть сутры Иисуса, записанные буддийскими монахами, и они их почитают в своих монастырях наряду с сутрами Кумарадживы

- Тогда почему ваше Дао понимает Будду, но не понимает Христа? – снова спросил хан. – В моем улусе равное отношение ко всем верам, если они от Неба. Я, например, верю в Майтрею, а моя хатум во Христа, и мы с ней легко находим общий язык.

Хан Хулагу рассмеялся, довольный своим аргументом.

– Господин, это зависит от многих обстоятельств... – робко вступил Тао Яозу, второй по очереди. – Порой простому горшечнику сложно понять замысел Сынов Неба, особенно, когда этот горшечник оставляет свой гончарный круг и мягкую глину на нем и берет в руки меч. Необычная твердость предмета его просто пугает, и он крошит им направо и налево... Тут немудрено и сам меч сломать.

– Тонко подмечено, ничего не скажешь, ты мастер словесности, горшечник, – молвил хан. – Но ведь и глину обжигают, и она становится твердой, как камень.

– Все в свое время, господин, – поклонился Тао Яозу. – Дао долго творит перед тем, как сунуть в печь.

– Ты считаешь, что у вас времени предостаточно? А если вдруг гром среди ясного неба? Нет, я просто хочу понять, сколько этого времени у меня. И успею ли я, прежде чем достигну Иерусалима, вдоволь навозиться с глиной своей души?

– Я вижу, господин уже знаком с огнем, – сказал третий из учителей, Янь Куан. – В таком случае нужно идти медленно, подолгу задерживаясь у источников, смачивая глину снаружи, доверху наполняя сосуды водой, иначе они и внутри потрескаются от жары.

– Как сырую глину можно заполнить водой? – возразил Тао Яозу.

– Очень осторожно, чтобы не расползлась, – ответил Янь Куан.

Продвигаясь по земле уйгуров маршрутом, проложенным однажды бесстрашным Джебе

, армия хана Хулагу страдала от безделья, хотя у многих и чесались руки. Уйгуры, верноподданные Карахорума, почти все были крещеными, а уйгурские купцы, финансировавшие еще походы Чингисхана, при виде нового похода сразу поднимали свои руки вверх и только возносили благодарственные молитвы

Небу. Ведь впоследствии всю военную добычу монголы продавали им за бесценок. Но раньше купцам приходилось метаться между городами едва ли не всего северного Китая, а теперь путь лежал прямо через их земли – вскоре потянутся караваны с добром в Карахорум, – и они были твердо уверены, что немногие дойдут до монгольской степи. На то и язык подвешен, и глаз наметан, и пальцы цепкие, словно у белки, чтобы быстро ощупать товар, сложить подходящую цену и отпустить обратно воинов свершать свои ратные подвиги и новые завоевания. По этой причине монгольская орда встречала здесь только душевные, отзывчивые лица: купцы зазывали воинов к себе, угощали, знакомились поближе, уже наперед предлагая аванс в виде доброго вина, которое они хорошо умели делать. Не сильно следя за дисциплиной, темникой, а с ними тысячники и сотники, по несколько дней гостили в богатых домах. Тем более, что хан Хулагу не спешил, и на то было много причин.

Повидавшие разные страны купцы могли с легкостью рассуждать обо всем, в том числе и о духовных вещах, как о христианском Византийском и Сирийском Богословии или различных течениях Ислама, так и о религиях Поднебесной. У этого народа чувствовалась врожденная способность к полемике, умение аргументированно доказать всю законность своих притязаний на чью-то собственность, ведь они разбирались во всем, а значит, имели полное право этим пользоваться на свое усмотрение. Но самое главное – они являлись практически близкими родственниками монголов, орхонскими «земляками»

, выступившими в поход из монгольской степи «немного ранее» и завоевавшими Синьцзян вместе с живущими там тохарами. А те, в свою очередь, были родственниками иранских тохар. Уйгурам, смеси этих двух культур, на острие конфликта было о чем поговорить с монголами. Сами уйгуры называли себя токкуз-огузами, или могулами, хотя монголы называли их племя хотонами, людьми, живущими у колодцев. Ведь чтобы добраться из монгольской степи до Кашгара, нужно было пройти пустыню Такла-Макан.

Ван Юань со своей тысячей кэшиктенов неотступно следовал за ханом Хулагу, которого все время просвещали в плане буддизма, даосизма и прочих духовных традиций Поднебесной его конфуцианские учителя. Хан желал постигнуть суть философии тысячелетий, пройти пустыню и окунуться в воды, вдохнуть свежесть оазисов, встречающихся на пути, и напиться из колодцев, из которых пили Конфуций и Лао-цзы. А заодно понять, это одни и те же воды, которые

достают из недр Такла-Макан уйгуры-хотоны, или совсем другие. Ведь колодцы могут быть в разных местах, а вода везде одна и та же. Тем более, что именно в этом направлении с последней заставы ушел однажды в одном ботинке «полностью свободный человек»

– Что думаешь, они меня дурачат или в самом деле, пытаются объяснить истину? – спросил хан Ван Юаня, когда они оказались в одном приятном месте у воды.

Дул легкий ветерок и весело шелестел густым прибрежным тростником. А в тени ветвистых тополей приютилась уютная усадьба местных хотонов. Хозяин с радостью вышел навстречу высоким гостям и сразу предоставил им прохладные апартаменты прямо над озером. Так что и походный ханский шатер устанавливать не пришлось.

– Я думаю, они по-своему ищут к ней подходы, – ответил Ван Юань. – Пытающийся взять кобру первым делом старается накинуть ей на голову мешок.

– А мне кажется, что им приятней тянуть время, выискивая все новые и новые доказательства того, что давно и наверняка известно. Майтрея придет и силой своей дхармы

решит все проблемы: не будет больше уродств, все живые существа обретут тела пурпурного блестящего истинного золота, а их конечности будут прямы и чисты. Тогда все станут Буддами и в один момент, достигнув истинного просветления Майтреи, обретут одно общее с Ним сознание. К чему вся эта философия? Или ты тоже считаешь, что она и тогда пригодится?

Хан Хулагу снисходительно улыбался с уверенностью человека, знающего, о чем он говорит.

– И мне незачем будет учить ваши иероглифы, все премудрости Поднебесной мне станут известными в один момент, равно как и вовсе ненужными... Пустая философия и человеческая болтовня. Ведь я стану Буддой! Что скажешь,

каракитай?

– Я из ханьцев

, хотя это не существенно, – заметил Ван Юань. – Но я твердо уверен в последовательности, предложенной моими учителями. Дао творит форму, изменяя ее со временем на свое усмотрение, находит более совершенные образы среди множества поделок, доводя, таким образом, свое искусство до безукоризненности, и поддает обжигу. Только в таком сосуде можно носить угли: Огонь светит во тьме, но его не возьмешь голыми руками.

– Вот ты снова, словно моя жена, настаиваешь на категоричности. Ведь сосуд можно высушить и на солнце, налить в него елей, приладить фитиль и светить себе на здоровье.

– Такой сосуд со временем потрескается, и масло вытечет, – возразил Ван Юань. – Но я совсем не против, чтобы нужные изменения в человеке проходили незаметно и безболезненно. Здесь достаточно обрести только точную меру, именно об этой размеренности и толкуют учителя...

– Вот-вот, – прервал его хан, подняв палец вверх, – и я об этом говорю! Сталь куют тяжелым молотом, но «отпускают» медленно в масле.

– ...если их рассуждения не заблуждение, подменяющее собой настоящую истинную веру, – закончил свою мысль Ван Юань.

Хулагу застыл на месте со счастливым открытым ртом.

– Ты не доверяешь своим учителям? – спросил удивленно хан, когда к нему вернулся дар речи.

– Я не совсем уверен, что им нужна истина, – ответил Ван Юань. – Их больше занимает процесс поиска и само участие в нем. Иначе бы они не выдворили Сияющую Веру в монгольскую степь.

– Но мы вернем им Свет Христов, а заодно и Будду Майтрею, – довольно засмеялся хан.

Вечерело. Хотон Колы-ван соорудил прекрасное угощение, его сразу стали подавать, как только Ван Юань кивнул на его вопросительные взгляды из хозяйских глубин – уйгурское жилище было более просторным, чем это могло показаться снаружи. За комнатой виднелась следующая комната, убранная занавесками из дорогой парчи и китайского шелка, и так до бесконечности. Оттуда сразу же заиграла живая музыка, неизвестные инструменты плакали и рыдали, словно душа монгольского воина. Ван Юаню казалось, что звуки, достигающие его слуха, исходят откуда-то из Райских обителей. К запеченному с душистыми травами мясу подали пенистое сладкое вино – напиток богов, – Ван Юань только пригубил, и голова пошла кругом. Нукеры Хулагу вместе с ханом лежали на дорогих коврах, громко рассуждая об отличной еде, хрустя косточками фазана и прочей дичи, в комнате сразу стало жарко.

– Прекрасное вино, – воскликнул хан, – клянусь жизнью своего коня, я еще не пил ничего подобного.

Хан рассмеялся, и вся компания вместе с ним, так что затряслись стены. Хозяин услужливо согнулся, в очередной раз поднимая руки вверх, благодаря Небо. У Ван Юаня лицо горело, как раскаленная сковорода.

– Схожу подышу и заодно проверю посты, – произносит он, обращаясь к хану, а тот раздваивается прямо на глазах.

– Слушай, Колы-ван, много ли у тебя такого чудесного напитка? Воинов снаружи тоже следует угостить, – говорит хан в двух лицах. – Мы с тобой обязательно рассчитаемся на обратном пути. Мои воины – грубые ребята... Иначе просто невозможно им объяснить, как душа еще при жизни попадает в Рай. А я уже вижу райских птиц и слышу, как поют Ангелы.

И опять дружный хохот, и кубки идут по кругу, а слуги Колы-вана вытаскивают из «хозяйских глубин» все новые и новые кувшины.

– Пошли, нам нужно освежиться, – говорят прямо на ухо губы Наргиз, и Ван Юань на нетвердых ногах выходит из горницы.

– Смотри не утопи его, ведьма-проказница, – кричит вслед своей родственнице хан, под громкий хохот нукеров.

Ван Юань вяло улыбается им и машет рукой.

Вокруг дома уже стоит полукруг из телег, образовав привычный монгольский курень. Дозоры прочесали окрестности, но вокруг только пески, после жаркого дня они отдают свое тепло всем желающим, и лица у воинов в монгольских шубах тоже красные, словно заходящее солнце. Разгоряченные и навеселе, похоже, они уже испытали веселящее действие Колы-ванового зелья – тысячник недовольно сжимает рукоять меча... Но ведь хан сам приказал. Чудесный напиток – небеса теряют краски, и все цвета заката ложатся прямо на людей, лошадей... Эти тоже ржут.

– Пошли прочь, бесстыжие... Ты что, собираешься купаться? Ведь монголы ни-ни... По яссе

за это полагается смертная казнь!

– Я не совсем монголка, и мне отрубят только полголовы, – смеется Наргиз, снимая украшения и одежду.

И хотя они отошли за бархан, и здесь везде заросли душистого тамариска, а высокий тростник глубоко пророс в реку, Ван Юань в ужасе оглядывается по сторонам.

– Я всегда моюсь, – говорит Наргиз, – и не собираюсь кормить вшей, как прочие... Если боишься, уходи.

– Но ведь хан знает, не правда ли? – вдруг вспоминает Ван Юань напутствие Хулагу.

– Конечно, знает, – с достоинством отвечает Наргиз. – Или ты думаешь, что его Докуз-хатун тоже избегает воды?

«Ох, эти женские тайны... – думает Ван Юань, – из-за них ничего не стоит расстаться с головой».

– Я лучше пойду, проверю посты, – говорит он, указывая рукой в сторону лагеря, откуда слышны громкие песни.

И ему тоже хочется петь и смеяться одновременно. «Ох, уж эти женские секреты...»

Сходив до ветру, он нетвердой походкой направляется к Колы-ванову жилищу и входит в тот момент, когда мимо него по узкому коридору проходят стройные красивые дочери хозяина. Одна небрежно обнимает его за шею, но он отстраняет ее руку. Играет музыка и девушки, войдя в горницу, начинают танцевать перед ханом, искусно виляя бедрами и животом, завораживая взглядом. В комнате жарко, девицы только в полупрозрачных шелках, и Ван Юаню кажется, это уж слишком... Облокотившись о дверной косяк, он смотрит осуждающе на танец, но лежащим нукерам это нравится – они громко восклицают и хлопают в ладоши, а вместе с ними хан и... Наргиз. «Как она здесь оказалась?..»

Недоумевая, он разворачивается и идет по длинному коридору. То и дело из смежных комнат выбегают разные смешные люди, собаки проскакивают мимо ног, какие-то дети... Женский шепот за парчовой занавесью. Сидя возле большого казана, старая уйгурка чистит рыбу... «Кто разрешил?» Но вопрос остается без ответа. Он просто выходит из головы, словно из юрты, хлопнув на прощанье пологом – хан в курсе.

В одной из комнат горят свечи, на аналое – две палки накрест и залосненная желтая мануфактура, лежит старый уйгурский фолиант со знакомой вязью. Ван Юань изучал с детства это письмо. Он подходит ближе и видит: «Блажен муж иже не иде на совет нечестивых...»

Но тут из полумрака выныривает фигура хозяина, на лысой голове которого торчат маленькие рожки. Колы-ван читает дальше: «На пути грешных не ста, и в седалищи губителей не сяде...», – охает и, хватаясь за рогатую лысину, уносится куда-то в угол, где, собственно, и угла-то нету – тьма! Ван Юань долго идет наощупь и, в конечном счете, снова попадает в горницу к застолью. Хан лежит, развалившись на подушках, разговаривая с незнакомой женщиной, одетой в желтую императорскую мантию; на каждый вопрос она дает ему десять разных ответов, спрашивая при этом: «А тебе как нравится, дорогой?».

– Мне нужно, чтобы их мудрость не могла соперничать с моей, – хан указывает перстом на трех учителей, сидящих поодаль.

Ван Юаню интересно узнать их, увидеть их лица. «Неужели это Цюй Лиу, Тао Яозу и Янь Куан?» Он идет напрямик через стол – кости, посуду и тела нукеров, – понимая, что за подобное по яссе ему грозит смертная казнь. Но неожиданно невостробованная любовь к далекой родине вспыхивает в нем с огромной силой. И пусть... Он хочет узнать, почему она, эта родина, отвергла его. Но учителя высокомерно отдаляются на недосыгаемую высоту, и Ван Юань понимает, что ему к ним не дотянуться. Тем более, что его ноги неожиданно увязают в чем-то очень похожем на навоз. И Ван Юаню ничего не остается, как только отдаться чувству без остатка и взлететь. Что он и делает! Это удивляет учителей, они возвращаются обратно, в глазах неподдельный интерес.

– Ну вот, я стал одним из вас – дьяволом, – неожиданно и откровенно говорит им Ван Юань, понимая, что это признание таит в себе страшную опасность.

Но разве есть другая возможность с ними поговорить, они ведь не хотели даже его слушать.

Лицо горит, а под ногами нет ничего твердого. Он, конечно, может летать, но недолго. Ведь он перешел запретную черту и теперь находится в стане врага. Здесь уже нет поддержки степи, к которой он привык с детства. Он чувствует враждебность мира всем своим естеством – щемящая боль в сердце, грудь сдавило... Кто-то лезет ему языком в ухо. Ах, это дочка хозяина, руки девушки оплетают его шею, словно кольца змеи. Дышать все труднее, а сердце колотится, вырывается из объятий, словно попавшая в сети перепелка.

– Помоги мне, – шепчет Ван Юань, лежащей рядом Наргиз, не в силах освободиться от смертельных объятий.

– Ее здесь нет, – отвечают губы Наргиз голосом купца Колы-вана. – Разве она тебе не сказала, кто у нее хозяин?

– Нет, она только предупреждала... – лепечет заплетающимся языком Ван Юань.

– Женись на мне, получишь все, – шепчет Наргиз. – Это настоящий праздник! Ха-ха-ха...

Она смеется, и ее хохот – словно из колодца. Оттуда веет леденящим холодом, и он быстро заполняет ему грудь.

– Жизнь без сердца – лучшая жизнь, – говорит Наргиз голосом учителя Цюй Лиу.

«Или это все же Тао Яозу или Янь Куан?»

– Я один во многих лицах, я сознание всех здесь живущих. Хочешь стать буддой? Познай меня!

Наргиз принимает соблазнительную позу, а Ван Юань понимает, что нет сил противостоять влечению. Ведь все живое, двуногое и пресмыкающееся, подвластно желанию плоти, чужой плоти, которую хочется рвать, грызть и упиваться ею – достать дна и насладиться зверем!

Не ведая, из каких сил, Ван Юань все же уползает обратно по темному длинному коридору – дети, собаки, шепот старух. Выхваченный пламенем свечи их полумрака, возле аналая стоит Колы-ван, бубнит молитвы и время от времени бьется рогатой головой об стенку.

– Пошел прочь! – машет ему рукой Ван Юань.

Он хватает пергаментную книгу и раскрывает наугад.

«Живый в помощи вышнего, в крове Бога Небесного водворится

Речет Господеви, заступник мой, прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него...»

Читать тяжело, слова комьями застревают в горле, а сердце каменное, словно и не его вовсе. И снова накатывает леденящее дыхание близкой смерти. Тело колотит лихорадка, зубы стучат, руки ходят ходуном. Но Ван Юань не выпускает книгу, вцепившись в нее, как в последнюю надежду.

«...Яко Той избавит мя от сети ловчей, от словеса мятежна

Плешмя своими осенит ты, и под крыле Его надеешься;

оружием обидет ты истина Его

Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящие во дни

Он вещи во тьме приходящая...»

Где-то забрезжил рассвет. Прибрежные плавни ожили, зашевелились. Из них выскакивают воины с замотанными черными тряпками головами – только глаза. Они устремляются к усадьбе. Лагерь спит...

– А-а-а! – орет Ван Юань, чувствуя, что его все же убьют.

Он тоже бьется головой о стенку, пробивает ее насквозь и проваливается вниз. Полет затяжной и страшный... Как в бездну.

– Ох!

Ван Юань вскочил на ноги, но тут же упал, так как его молодое сильное тело совсем одеревенело и почти не повиновалось.

– Твою ж гребанную... Колы-вана Такла-макан! – выругался он и пнул ногой близлежащего воина.

Но этим воином оказался сам хан Хулагу.

– Что, кто? Кто посмел, что происходит?

– Засада, нас отравили, – прошипел Ван Юань. – Проклятое Колы-ваново зелье!

Ван Юань с досады двинул локтем второго, Наргиз простонала в ответ.

– Вставайте, кто может! – заорал он на всю глотку. – Враг приближается!

В это время две стрелы влетели прямо в окно, а следом за ними – несколько человек с кривыми ножами. Но у Наргиз в руках уже был лук и стрелы. И племянница успела уложить всех, прежде чем они добрались до ее дяди Хулагу. Правда, последний из нападавших все же дотянулся до хана и вцепился мертвой хваткой ему в сапог.

В одном сапоге хан с мечом бегал по двору. Кэшиктены собирали порубанных монголов и врагов. По виду те как раз и были низаритами – ассасинами, выполнявшими чей-то заказ.

Притащили дрожащего Колы-вана, он обливался слезами и умолял о пощаде.

– Как ты вообще можешь рот открывать? Умри, как мужчина! – воскликнул хан.

– Моя не хотела вам делать плохо. Моя любит монгол. У меня жена монгол, дети монгол... Конь – монгол!

– И поэтому ты решил нас отравить? Неужели все из-за какой-то сварливой бабы, которая тебе всю плешь проела?

Хан Хулагу невольно пырскнул от смеха, а с ним и нукеры: после Колывановского зелья было все еще весело.

– Моя жалела монгол... Моя всю ночь молилась за монгол, – заливался слезами Колы-ван. – Вот его – знает. Колы-вана плохо не хотела.

Он указал на тысячника Ван Юаня, которого бороли противоречивые чувства. Картины бурной ночи все еще стояли перед глазами.

– Что, кто? А ну говори, кто тут что знает? – в момент уцепился за слова хан. – Так-так-так...

Все взоры сразу обратились на Ван Юаня.

– Этот упырь действительно молился всю ночь, – промямлил парень.

Он подошел и, недоумевая, ощупал лысую Колы-ванову голову.

– Рога где?

– О, я вижу, у тебя проблемы, сынок, – протянул хан многозначительно. – Ты что с ним сделала, ведьма?

Хан обратился к своей племяннице, похоже, это «детское ласкательное имечко» было в обиходе их ханской семьи.

– Между прочим, я вам спасла жизнь, дядя! – с вызовом бросила Наргиз.

– Точно также, как твоя мать спасла жизнь моему двоюродному брату. Теперь он не может спать в своей юрте и ночует в христианской церкви. Ну, это семейное...

– Хан безнадежно махнул рукой. – Вот, это он нам всем жизнь спас.

Хан снова обратился к Ван Юаню.

– Что лепечет этот хотон? Говори, а не то я из благодарности вас обоих в войлок закатаю.

При этом он нарочито ласково посмотрел на племяшку.

– Перестань выть, мерзавец! – это уже к Колы-вану. – Почему ему еще не отрубили голову?

– Не надо рубить мой башка, – еще громче завопил Колы-ван. – Нужно спасти мой монгол-жена, моя сыновья.

– Все мертвы, нет ни одного живого, – доложил подошедший Налгар.

Его посылали найти хоть одного полуживого низарита.

– Как же мы узнаем, кто их послал? – озадаченно спросил хан, оглядываясь на Наргиз. – Хотя догадаться нетрудно.

– Вот тут все ответы, дядя.

Наргиз постучала стрелой по лысой голове Колы-вана.

– Ну, – грозно нахмурился хан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tao_czedun/svyaschennaya-voyna

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)